

Любовцова Н.

ПИРАМИДА ХУФУ

ЕГИПЕТСКИЕ
НОЧИ

Египетские ночи

Нина Любовцова

Пирамида Хуфу

«Алгоритм»

1987

УДК 821.161.1Р
ББК 84(2Рос=Рус)

Любовцова Н. М.

Пирамида Хуфу / Н. М. Любовцова — «Алгоритм»,
1987 — (Египетские ночи)

ISBN 978-5-486-03748-1

Любовцова Нина Михайловна (1912—2004) — по специальности инженер, окончила Ленинградскую лесотехническую академию. В годы войны работала на оборонных предприятиях Свердловска, а затем преподавателем техникума в Астрахани. Еще в юности под влиянием романа Б. Пруса «Фараон» у нее пробудился интерес к истории, и особенно к истории Древнего Египта. Тогда же были написаны первые главы романа «Пирамида Хуфу», который удалось завершить лишь в 60-е годы. Став членом Астраханской писательской организации, она профессионально занялась литературной деятельностью, опубликовав целый ряд произведений по русской истории, наиболее известное из которых — роман об Александре Невском «Путешествие в Каракорум». В данном томе представлен роман «Пирамида Хуфу», где рассказывается о событиях более чем четырех с половиной тысячелетней давности — о самой высочайшей пирамиде, построенной фараоном Хуфу, которая принесла много бедствий народу. Вместе с автором читатель погрузится в жизнь разных слоев египетского общества.

УДК 821.161.1Р
ББК 84(2Рос=Рус)

ISBN 978-5-486-03748-1

© Любовцова Н. М., 1987

© Алгоритм, 1987

Содержание

Пролог	7
Во дворце фараона	7
Хемиун	10
На семейном совете зодчих	13
Двадцать пять лет спустя	20
У первых порогов	20
Вниз по реке	29
На строительной площади пирамиды	31
Сон Руабена	42
Тревоги живого бога	43
Конец ознакомительного фрагмента.	44

Нина Михайловна Любовцова

Пирамида Хуфу

© ООО ТД «Издательство Мир книги», оформление, 2011

© ООО «РИЦ Литература», 2011

* * *

Пролог

Во дворце фараона

Хуфу¹, Владыка Верхнего и Нижнего Египта, любимый богом Ра², сидел на высокой веранде своего дворца. Он задумчиво смотрел на запад. Там, за белыми стенами столицы, на границе с молчаливой, безжизненной пустыней – страной мертвых, высились дома вечности многих давно умерших властителей страны. Огромные царские усыпальницы гордо возвышались, окруженные мастабами³ знати, желающей и на полях Иалу⁴ быть рядом со своим царем. Но среди многих гробниц была одна, которая пленяла его больше всех. В ней покоился великий царь Джосер. Семью ступенями поднималась она на сто двадцать локтей⁵ к синему небу. Белые могучие стены окружали гробницу. За стеной был чудесный заупокойный храм и помещения, сделанные руками лучших мастеров.

Погруженный в свои мысли, Хуфу не замечал рабов, бесшумно обмахивающих своего повелителя. Струи воздуха обвевали бронзовое, неподвижное, молодое лицо фараона. Рано обозначившиеся складки около жесткого рта углубились. Бесстрашный взгляд холодных глаз фараона заставлял людей трепетать от сознания безграничности его власти. Страх перед царями был воспитан столетиями в сознании людей Кемет⁶. Несмотря на молодость, Хуфу сумел подчинить себе всех. Даже жрецы, с которыми прежде считались цари, теперь склонились перед несгибаемой волей Хуфу.

Богатства фараона были неисчислимы. У него были величественные дворцы с роскошным убранством. Прекрасные юные жены радовали его взор. И военные походы Хуфу были победоносны. И все-таки тайная мысль заставляла хмуриться его брови. А по древнему обычаю Черной Земли именно в молодости надлежало думать о строительстве усыпальницы. Когда настанет его время и он уйдет в страну мертвых, тогда вечным приютом станет пирамида. Он и там будет богом. И его вечное жилище должно быть божественным, необычным. Теперь уже он начнет строить его на границе Черной Земли с мертвыми песками пустыни, так же, как великий Джосер, как прославленный его отец Снофру. Хуфу думал о себе, что он – царь – поднялся выше всех предшественников и на земле нет ему равных. Недаром же отец – великий Снофру, чей голос правдив, из всех сыновей избрал на трон его – Хуфу, хотя он не был старшим. И гробница его должна подняться на небывалую высоту, она должна быть видна всей Кемет. Миллионам грядущих лет поведаст он о своем беспредельном могуществе. Время будет бояться его вечного жилища. Никакие ураганы не занесут его песками, вечно оно будет прославлять мудрость и величие Владыки Черной Земли. И никто никогда не потревожит его вечный покой, ибо пирамида его станет недоступной людям, которые посмели бы ее осквернить. Но кто же сумеет ее построить? Кто сумеет понять и осуществить его грандиозный замысел? Хорошо было Джосеру, имевшему Имхотепа, зодчего и мудреца, равного которому нет и не будет. Если бы найти такого человека, который мог выполнить все, что задумал он – царь Кемет...

¹ *Хуфу* (греч. Хеопс) – фараон 4-й династии, правил Египтом 2700–2600 лет до н. э.; строитель самой большой пирамиды.

² *Ра* – древнеегипетский бог солнца, центром которого был город Он; позже культ Ра слился с культом бога Фив – Амоном.

³ *Мастаба* – по-арабски «широкая скамья», ее форму напоминали гробницы, которые строили себе вельможи, но гроб, а также имущество для будущей жизни в загробном мире находились под землей, где иногда было несколько десятков помещений, роскошно отделанных.

⁴ Соответствует раю по представлениям древних египтян.

⁵ *Локоть* – мера длины, равная примерно 50 см.

⁶ *Кемет* (Кемт, Черная Земля) – так называли египтяне свою страну за черный цвет плодородного чернозема в отличие от красноватого цвета песков бесплодной пустыни.

У одного из рабов дрогнула онемевшая рука, и огромное опахало из разноцветных страусовых перьев чуть скользнуло по виску и уху фараона. Раб, знавший силу гнева повелителя, замер в ужасе. Но у Хуфу только чуть дрогнул мускул под смуглой кожей: мысли его были далеко. Хорошо было Джосеру! А где он возьмет своего Имхотепа?

Царь очнулся и встал с удобного кресла. Бесшумно ступая по коврам, молодой фараон направился в ту половину дворца, где обитали жены и дети. И все, встречавшие его, торопливо падали ниц. Жесты людей, застигнутых врасплох неслышной поступью царя, выглядели смешно, но он привык к этому с детства. Его лицо, приученное к неподвижности, оставалось бесстрастным. Живой бог должен сохранять всегда величие покоя.

В комнатах на женской половине было пусто. В окнах сквозь прозрачные занавески просвечивали деревья большого дворцового сада. Оттуда доносилась музыка, пение, порой врвался дразнящий звонкий смех.

Он подошел к окну. Глянул в сад. На лакированной кедровой скамейке сидел молодой арфист и мечтательно перебирал струны. Мягким голосом он пел какую-то незнакомую грустную песню. Жены и наложницы царя сидели и слушали. Три пары молодых женщин мелькали в веселой игре. Нарядные и стройные, они легко скользили меж деревьев. Но почему же, наблюдая эту яркую жизнь, он думает о мрачном покое гробницы, о тайных ловушках и западнях, которые будут поставлены для грабителей могил? Потому, ответил он себе, что в старости будет поздно строить. Начинать надо в молодости, чтобы успеть.

Мучимый сомнениями, он пришел в покои к матери-царице Хетепхерес. Царица сидела в кресле, обитом листовым золотом. Ножки его из черного дерева были вырезаны в форме бычьих ног, опиравшихся на прочные копыта. Она любила это кресло, подаренное ей мужем-царем Снофру, и берегла его.

Еще не старая, царица хранила следы былой строгой красоты. Ее гордая, уверенная осанка говорила о привычке повелевать. Умощенная после омовения лучшим ливийским маслом, она выглядела свежей и довольной. На ногах ее, поставленных на изящную узорчатую скамейку, мягко блестели серебряные обручи с инкрустацией из лазурита в виде распахнутых крыльев Гора⁷. Сандалии из посеребренной кожи плотно облегли ее ноги. Хетепхерес предпочитала золоту нежный блеск серебра. Да и серебро, привозимое из далекого Кебена, ценилось значительно дороже золота.

Хетепхерес царь Снофру привез из далекого похода. Была она дочерью царя из северных стран. Хетепхерес была белокурой, с темно-синими глазами. Черноволосых и черноглазых ее подданных это обстоятельство пугало, и все, что было неблагоприятно в стране – неурожай, голод, болезни – приписывались ей. Жители Черной Земли считали светлые волосы, особенно рыжие, принадлежностью бога зла Сета, убившего брата Осириса. Но Снофру любил Хетепхерес, и госпожа царского дома была недосыгаемой для толков или какого-то вреда.

Обычно строгие ее глаза просияли при виде сына. Хуфу почтительно склонился перед матерью, та молча указала ему на кресло. Царь поведал ей о своих замыслах и сомнениях, она одобрительно кивала и думала с удовлетворением: «Хуфу рожден для трона! Все в нем есть: разум, величие, строгость. А как держится! Какова осанка!» Вслух же произнесла:

– Я давно жду, когда ты сообщишь мне о решении строить Священную пирамиду. Ты – великий царь и свою гробницу должен сделать великой.

Молодой царь с восхищением смотрел на мать.

– Но кого же из наших зодчих можно поставить во главе строительства?

Царица задумалась. Она вспоминала всех известных ей крупных архитекторов.

– Да! От выбора начальника многое зависит в таком великом деле.

⁷ Гора (Хор) – солнечное божество, сын Осириса и Исиды; олицетворялся в облике сокола; фараоны считались живыми богами, унаследовавшими трон Гора, который почитался как покровитель их власти.

Вместе они перебирали имена зодчих, но ни на одном не остановились. Несколько минут молчали.

– Я думаю, – произнесла наконец Хетепхерес, – надо пригласить Хемиуна. Он молод, энергичен и уже опытен, а как родственник царского дома хорошо понимает, что постройка должна отражать величие власти.

– Пожалуй, ты права, – ответил Хуфу. – Я поговорю с ним.

Он почтительно простился с матерью. Ему хотелось побыть одному, и он прошел в маленький внутренний садик с небольшим бассейном, выложенным голубыми фаянсовыми плитками. Это был самый тихий уголок в огромном и шумном дворце. Придворным и большинству жен заходить сюда не разрешалось. Фараон любил отдыхать здесь в одиночестве.

У бассейна играл Хауфра. Он бросал крошки в воду, где плавали красивые рыбки. Мальчик радостно вскрикивал, когда они выплывали, и, наклоняясь, плескался загорелой ручонкой в воде. На суровом лице фараона появилась улыбка. Он сел в кресло и начал наблюдать за ребенком. Хауфра побежал к отцу и забрался на колени.

– Поймай мне рыбку! – попросил он.

Хуфу рассмеялся:

– Прикажи Пепи, он сделает все, что ты пожелаешь.

Мальчик сполз и, мягко шлепая голыми ножонками, побежал за слугой.

Хуфу снова погрузился в раздумье. Строительство пирамиды должно быть начато немедленно. Так кто же? Хемиун? Только что он закончил постройку величественного храма в Бубасте. И Хуфу решился. На его стук прибежал слуга и упал ниц перед фараоном.

– Передай домоуправителю, чтобы известил князя Хемиуна. Пусть он явится ко мне после полуденного отдыха.

Слуга исчез.

Хемиун явился в назначенное время и низко склонился перед высоким родственником.

– Я прибыл согласно повелению твоего величества.

Хуфу испытующе рассматривал племянника. У него были глубокие холодные глаза, энергичный небольшой рот и резко очерченный волевой подбородок, круто выступающий вперед. Нос крупный, с горбинкой. Лицо – властное и жесткое – говорило об энергичном и сильном характере. Сосредоточенный взгляд быстрых глаз невольно располагал к себе, но и настораживал.

Фараон еще раз окинул взглядом Хемиуна.

– Пришла пора подумать о Доме Вечности. Государство мое достигло небывалого расцвета. Я хочу, чтобы мой Горизонт превзошел по своим размерам все, что было сделано до меня. Назначаю тебя чати⁸. Доверяю тебе величайшую из построек. Все будет в твоём распоряжении, все, что тебе потребуется для строительства. Ты будешь вторым человеком в стране после меня. Если ты справишься с этим, слава твоя останется в веках. Большой награды у меня нет. Богатств у тебя достаточно своих, а слава для честолюбивого мужа – вершина его стремлений.

Глаза зодчего загорелись. Создать на земле огромное, небывалое! Оставить след своих помыслов навечно! Как мечтал он об этом!

Беседа длилась долго. Когда Хемиун ушел, Хуфу с удовлетворением отметил, что выбор его, милостью богов, был удачен. Фантазия художника прекрасно сочеталась с трезвым умом исполнителя и энергией организатора. Царица Хетепхерес дала сыну хороший совет. Через пятнадцать дней Хемиун должен прийти с первыми набросками плана и предварительными расчетами. Фараон довольно улыбнулся.

⁸ Верховный советник, являющийся помощником царя во всех делах, в том числе он мог быть главным архитектором; в его владении находился большой чиновничий аппарат: по-арабски чати – визирь.

Хемиун

Знойный воздух был напоен запахом близких цветников. Тени ветвей от густых персей⁹ трепетали на зеркальной поверхности пруда. Чуть заметная рябь искрилась тысячами огней и отражалась на белых каменных барьерах, огораживающих пруд. От него тянулись цветники, пересеченные дорожками, усыпанными красноватым песком. За цветниками виднелся дворец. Роскошный сад был создан с большим вкусом по замыслу хозяина – Хемиуна.

Сам он сидел на маленьком коврикe в тени деревьев и тонкой палочкой чертил что-то на песке, сглаживал, снова чертил и снова досадливо хмурился.

Подошла госпожа дома – главная жена князя. Внимательно посмотрела на Хемиуна и, боясь помешать, бесшумно удалилась в глубь сада к подругам.

Прошло уже семь дней, как состоялся разговор с царем о строительстве пирамиды. С тех пор нарушилась привычная жизнь, пропал уверенный ход мыслей. Забыты увеселительные плавания по реке.

Хемиун был баловнем судьбы. В его жилах текла древняя царская кровь. Его отец – великий князь Нефермаат – был старшим сыном царя Снофру и братом царствующего Хуфу. Многочисленный род Снофру отличался несокрушимой энергией, соединенной с жестокостью и неумолимой твердостью в достижении поставленных целей. Вместе с властью, порожденной исключительностью положения в стране живых богов, в мужчинах этого рода уживалась деловитость.

Отец Хемиуна из всех братьев предпочитал Рахотепа – энергичного, веселого зодчего. Братья часто навещали друг друга. Хемиун с детства привык к разговорам об архитектуре. И хотя он принадлежал к царскому роду, власть его не привлекала. По обычаю времени его отдали на воспитание и обучение к образованнейшим жрецам, носителям знаний. Все секреты строительного искусства своего времени были ему известны, тем более что он часто бывал с отцом на строительстве храмов и дворцов. Нефермаат всячески поощрял наклонности сына и сам был отличным учителем.

Хемиун любил бродить по таинственным и сумрачным храмам, где каменные могучие боги ревниво стерегли тайны жрецов. С благоговейным восторгом созерцал он мощные стены, колонны, еще робко выступающие вперед и не смеющие вполне отделиться от стен. Архитектура бурно развивалась и, как полноводная река, меняя привычное русло, прокладывала новые пути. Камень со времен Джосера был ее главным материалом. Вместе со своей сестрой – архитектурой – переживала расцвет и скульптура, для которой в Кемет в изобилии находились всевозможные породы камня в горных хребтах, протянувшихся по всей стране. Хемиун мечтал о большом архитектурном сооружении. Предложение царя возглавить небывалое строительство увлекло его.

Храмы, воздвигнутые много лет назад, казались ему вечными, несокрушимыми для все разрушающего времени. Уже давно умерли люди, создавшие их, но они стоят, неколебимые, гордые. Но особенно любил он пирамиду царя Джосера, умершего восемьдесят лет назад.

Семиступенчатая пирамида высотой в сто двадцать локтей была в стране первой каменной постройкой такой величины. Облицованная белыми плитами, с дворами и храмами, она была окружена высокой каменной стеной. Хемиун поражался величию, красоте и мастерству этого удивительного сооружения, созданного Имхотепом.

Да, высоко стоял Джосер, но выше его был Имхотеп-мудрец, великий ученый и маг. Выше имен царей стояло имя строителя и врачевателя, спасавшего своим искусством многие жизни и передавшего его жрецам.

⁹ Персея – фруктовое дерево, растущее в Египте и Нубии.

И вот теперь выбор царя пал на него, Хемиуна. И если Тот¹⁰ – бог знаний и Птах¹¹ – бог творчества, ремесла и искусства будут к нему милостивы, он прославит свое имя в веках. Этого дара богов он ни за что не упустит. Зодчий Хемиун не раз руководил строительством храмов, сам производил для них расчеты и всегда мечтал о создании новых архитектурных форм. Изнеженный вельможа, он был энергичен, когда речь шла о большом деле. Идея небывалой, грандиозной постройки целиком захватила его честолюбивые мысли.

Все эти дни он провел в мучительных поисках соединения традиционных древних правил с новыми формами. Вот на гладком песке появляется одна мастаба, на ней вторая, еще и еще, вот восемь ступеней... Но это не ново. Если десять? И это только повторение сделанного Имхотепом. Он, Хемиун, должен сделать такое, чего еще не было. Если пирамиду, как у деда Снофру? Без ступеней, с гладкими гранями? Но пирамида Снофру ему не нравилась. Она казалась Хемиуну незавершенной. Вершина ее оканчивалась небольшой площадкой. Может быть, в ней не было гармоничных пропорций?

Хемиун протер потное лицо платком и бросил на песок. Голубая его полоса резко выделялась на теплом фоне красноватого песка, радуя глаз свежестью красок, яркостью контраста. Он взял кусок папируса с записью наружных материалов и инструментов и, посмотрев, с досадой бросил. Никаких расчетов пока сделать нельзя: нет размеров и даже формы... Он смотрит на уголок папируса... Острая его вершина лежит... Так, так... Хемиун радостно вздрагивает: найдено! Вот какой должна быть священная пирамида: форма как у гробницы Снофру, но очень строгих пропорций, размеры небывалые, а цвет – белый, любимый цвет народа Черной Земли. Из шлифованного алебастра. И без всяких украшений: величие и простота. Прямые строгие линии треугольных граней, сходящиеся в острие, устремленное в синее небо, к богу Ра – источнику всего живого. Эта вершина будет высоко поднята на могучем основании, она будет возвышаться над городом, над долиной. Она станет самой высокой вершиной и первой будет встречать утренний свет бога Ра, задолго до того, как лучи рассеют мрак у подножия, в котором будет пребывать простой смертный народ. Такова священная мысль, вложенная в усыпальницу царя Кемет.

Зодчий был в восторге от идеи, так удачно воплотившейся в форму. А как дивно сочетался белый цвет на фоне красноватых песков с синевой неба!

Решение было найдено. Архитектор задорно, по-мальчишески вскочил и сейчас же оглянулся: непристойно сановнику, хотя и молодому, прыгать, но поблизости никого не было. Князь прошел в свой кабинет и принялся за расчеты.

Через несколько дней Хемиун закончил предварительные наброски. Отличный рисовальщик, он изобразил гробницу на большом, специально изготовленном листе папируса.

Он решил сделать основание сооружения квадратным. Ступенчатая гробница Джосера, возникшая из мастаб, поставленных друг на друга, отражала их форму – вытянутую длину, в связи с чем основание было прямоугольным.

Сторона основания была задумана архитектором в четыреста шестьдесят локтей. Такого размера не было ни у одного сооружения. В этом Хемиун был уверен. Он долго думал о высоте. Если пирамида будет низкой, – некрасиво и противоречит идее. Если чересчур высокой, – нарушится гармония, не говоря уже о том, что строить будет трудно. Хемиун раздумывал, примерял, чертил и снова зачеркивал. Потом ему пришла мысль применить математический метод. Если вокруг основания описать окружность и ее радиус принять за высоту? Он долго возился с расчетом и наконец после многих усилий нашел; она составляла почти триста локтей! Невиданные размеры! Еще пересчитал и еще... И все-таки это было правильно... Он был подавлен полученной величиной и в то же время гордился ею и новизной метода. Нарисовав

¹⁰ *Тот* – по верованиям древних египтян, бог мудрости и письма, а также писец на загробном судилище богов.

¹¹ *Птах* (Пта) – бог города Мемфиса, покровитель ремесленников и художников, изображался в виде мумии.

небольшой силуэт в точной пропорции с вычисленными размерами, зодчий остался доволен: благодаря логично связанным размерам сооружение будет стройным, несмотря на огромные размеры. Найдя основные наружные величины, Хемиун на другом листе папируса принялся за размещение погребальной камеры для царя. Она расположится точно под вершиной, в самом центре, вторая – меньшая – для царицы. Он ломал голову над распределением веса чудовищной кладки над заупокойной камерой, ведь над ней будет возвышаться сплошной камень более двухсот локтей. После долгого раздумья он решил поместить над камерой особо крупные конусные блоки, которые будут принимать на себя тяжесть и распределять ее в стороны с помощью горизонтальных выступов. Правда, эти опорные блоки будет очень трудно переправлять от мест заготовки, но это не может быть препятствием. Разве легче ломать асуанский гранит и переправлять его по реке почти через всю страну? Кроме этого, над камерой оставить пять пустот, что облегчит тяжесть верхних слоев. Он предусмотрел вентиляционные каналы, которые пронизуют всю каменную кладку и выйдут поблизости от вершины. Резкими линиями прочертил ложные ходы вверх и вниз, в конце их отметил места коварных ловушек в виде нависших камней огромного веса, которые прихлопнут и раздавят каждого, кто посмеет нарушить покой царя.

На семейном совете зодчих

Через несколько дней вечером, когда спала жара, во дворце Нефермаата собрались зодчие, все близкие родственники – сам Нефермаат с женой, Итет, Хемиун, пришли Рахотеп с Неферт и молодой Нефермаат – внук Снофру. Молодежь, братья и сестры Хемиуна, ушла в сад, чтобы не участвовать на совете старших, который они находили скучным.

Хемиун любил дядю Рахотепа и его жену Неферт. Они очень подходили друг к другу. Рахотеп всегда вносил в общество оживление и суету, чем отличался от других сыновей Снофру. Его братья держались строго, чопорно, стремясь и внешне сохранить близость к живому богу. Правила предписывали сохранять величественный покой. Рахотеп смолodu не рассчитывал на трон, у него и без этого было полно дел: он любил зодчество, занимался им много, выполнял обязанности верховного жреца в Оне, да еще занимал пост военачальника. Были и другие занятия, которым он предавался страстно, – охота и рыбная ловля. Кипучая энергия пробивалась у Рахотепа наружу быстрой речью, смехом. Итет, мать Хемиуна, улыбаясь, часто говорила ему:

– И как только ты выполняешь обязанности жреца? Твоя быстрота совсем не подходит к торжественной медлительности верховного служителя богов.

– Самое тяжелое наказание для него – не двигаться и молчать, – отвечала за мужа Неферт. – Зато после жреческих обязанностей никому покою не дает.

– Я считаю самым важным и почетным своим делом быть верховным жрецом в Оне в храме Ра, – возразил жене Рахотеп. – Все мы здесь царского рода и жречеством крепим царскую власть. Это наш священный долг. Хотя в Менфе¹² весь ремесленный люд поклоняется Птаху, бог Ра стоит выше всех богов.

Нефермаат наклонил голову в знак согласия с братом. Старший из них, он был медлителен, настоящий важный сановник и верховный жрец.

– Поговорим о моем деле, – нетерпеливо напомнил Хемиун.

Нефермаат неторопливым жестом поправил пояс на повязке, ответил:

– Никогда не следует спешить в великих делах. Все вы – мои дорогие гости. Охладимся пивом, выпьем живительного вина и обсудим.

Итет стукнула легким молоточком, вошел слуга, и она приказала принести угощение. Хемиун досадливо хмурился, думал, что отцу и в самом деле некуда спешить. Все у него сделано: дети выросли, у всех есть дело. Усыпальницу он построил тебе такую, что о ней все говорят в Белой Стене.

Слуги поставили на низкие столики прохладные напитки из подвалов, медовые сласти, печенье. Госпожа знаком показала, что больше ничего не надо.

Хемиун нетерпеливо ждал, почти ни к чему не прикоснувшись. Когда все отставили бокалы и приготовились, молодой зодчий развернул свиток и начал рассказывать. Рахотеп удивленно слушал и весь напрягся, словно готовился броситься в борьбу. Нефермаат, слушая, скептически улыбался, зато Итет не сводила восхищенных глаз с сына. Молодой, сильный, полный кипучей энергии, он унаследовал от отца представительность и осанку, но в противоположность ему был быстр. Загоревшийся и взволнованный, он рассказывал горячо и убежденно. Когда он кончил, Рахотеп, подавшись вперед, как для прыжка, резко спросил:

– А ты подсчитал, сколько потребуется на твоё сооружение камней, рабочих? Сколько для них еды, инструментов, древесины и всего другого? Не подумай, что говорю из зависти... Но ты задумал сделать невозможное. Мы с твоим отцом много раз руководили построением больших

¹² *Менфе* (Белая Стена) – столица Древнего Египта Мемфис; он находился в 15–18 км от современного Каира.

храмов и хорошо знаем, сколько для этого надо сделать. Да и брат подтвердит – невозможное ты задумал.

Нефермаат медленным наклоном головы выразил согласие.

– Напрасно ты задумал такое невиданное огромное дело. Вся Кемет обнищает, и все равно до конца не доведешь. Много у нас недостроенных пирамид.

– Отец! Я хочу прославить себя великим строительством!

– Скорее ты прославишь себя как разоритель страны, слезами народа прославишься. Мой совет: пока не поздно, уменьшай размеры. И зачем тебе делать пирамиду сплошной каменной? Я думаю, и брат Хуфу, да будет он жив, здоров и могуч, не согласится на такую стройку, которая грозит разорением и не будет окончена. Наш великий отец Снофру, чей голос правдив, не решился бы на сооружение, которое опасно для Черной Земли.

– У деда Снофру, чей голос правдив, было три усыпальницы, а дядя будет строить одну, – раздувая ноздри тонкого носа, сердито возражал Хемиун. Его надменная голова еще более откинулась назад, жесткий рот упрямо сжался.

Рахотеп, внимательно слушавший, сказал:

– Я полностью согласен с братом. Не надо тебе говорить о таких размерах. Уменьшай их на сто локтей по высоте и столько же по сторонам. И это будет очень внушительная гробница. Нарядишь ее белым алебастром.

– Не понимаете вы меня, зато мать согласна с моим замыслом, – сердито ворчал Хемиун.

Нефермаат добродушно рассмеялся:

– Она ни разу не строила. Ее мнение – мнение влюбленной матери в сыночка, оно ничего не значит. А мы тебе советуем как люди знающие.

– Зато мать верит в мои силы, – не унимался Хемиун.

– Одной верой ничего не сделаешь. Здесь должен быть твердый расчет, – снова вмешался в спор Рахотеп. – Какой зодчий не мечтает о великом сооружении, чтобы оно пережило века? Но твой замысел явно не по силам Кемет. Хотя как члены царской семьи мы должны поддерживать тебя. Ведь ты еще должен говорить с царем. Но лучше бы уменьшить пирамиду. Но, пожалуй, это дело твое. Ты – чати.

– Как это его! – возмутился Нефермаат. – Мы, верховные жрецы храмов, где, по-твоему, будем? А разве крепость трона прадедов – не наша забота?

– Я думаю так же, как ты, Нефермаат, – примирительно сказал Рахотеп.

Неферт сочувственно смотрела на племянника. Ей очень нравился чертеж пирамиды в красках и новая форма ее, никем не виданная.

Итет беспокойно оглядывала старших зодчих. Младший Нефермаат молчал, не решаясь вступить в разговор старших, но его глаза выражали полное согласие с братом Хемиуном.

Молодой зодчий встал и, небрежно простившись со всеми, пошел в собственный дворец, раздосадованный и обеспокоенный.

Советы отца и дяди насторожили Хемиуна. Он решил еще раз все основательно и тщательно подсчитать.

В результате точных расчетов можно будет решить, реален ли его замысел. Если применить крупные блоки – это ускорит работу, увеличит прочность кладки. Но когда он подсчитал примерное количество глыб, то ужаснулся и не поверил себе. Долго пересчитывал и получил тот же результат... Этих камней, весом примерно равным шести быкам, требовалось более двух миллионов! Отец и дядя были правы! Такую работу могли выполнить только боги. Его потрясла мысль о том, что такое немыслимое количество глыб надо оторвать от скальных массивов, обтесать, сгладить, перетащить, поднять, уложить... Нет! Нет! Невозможно! Какое же количество для этого нужно резцов, пил, деревянных кольев? И огромная армия людей, которую надо кормить, одевать, возводить для них какое-то жилье... Царь не согласится на это...

И Хемиун решил уменьшить размеры. Но прежде чем переделать работу, он направился с помощниками в окрестности на разведку залежей строительного камня. Большие запасы прочного известняка были расположены северо-западнее столицы, примерно в тридцати пяти тысячах локтей. Белого алебастра сколько угодно было на восточном берегу в Моккатамских холмах, где он издавна добывался в каменоломнях Туры. Удешевить и облегчить его доставку возможно путем переправы на плотах и барках в периоды разлива, когда они подойдут почти к плато, где будет возводиться гробница.

Исходя из наличия больших запасов камня, требовалось перенести некрополь в новое место, севернее города.

«Новое так все новое...» – улыбаясь своим мыслям, думал Хемиун.

Дня четыре, обливаясь потом и ругаясь, он лазал по скалам, оценивая качество и объем залежей. За эти дни избалованный князь загорел и огрубел, но был очень доволен. Ругань же его была притворной. Порученное дело было так огромно и увлекательно, что теперь он временами опасался, что царь не согласится с большими размерами. Он подыскивал доводы, искал пути облегчения и удешевления и находил их, слушал советы строителей.

Царь неожиданно вызвал Хемиуна во дворец, и переделать он ничего не успел. Хуфу принял зодчего не в тронном зале, а по-родственному, на северной веранде, где можно было обойтись без рабов с опахалами. Хемиун низко склонил голову, чтобы поцеловать носок золоченой сандалии, но царь милостивым жестом поднял его и усадил рядом, правда, пониже, на скамейку. Отныне начальник строительства получил неслыханную честь – сидеть рядом с живым богом. Князь был польщен. Молодой царь с нетерпением воззрился на племянника, чем-то непривычно смущенного.

– Что ты мне скажешь? Или ты, может быть, ничего не сделал?

Хемиун вздохнул. Он не верил в осуществление своего грандиозного замысла. Но отступить было нельзя, и он решился.

– Нет, я все выполнил, как приказало твое величество.

И он развернул огромный свиток с изображением в красках усыпальницы. Перед изумленными глазами царя предстала, как воплощенная мечта, его пирамида. Предельно простая, но какая величавая была эта простота! Никогда никто не видел ничего подобного.

– Это будет огромное сооружение в триста локтей высотой и шириной в четыреста шестьдесят локтей. Устремленное ввысь острой вершиной, оно будет утверждать в бесконечности времени твою божественную власть над всеми живущими внизу, – услышал он слова Хемиуна.

Безмолвно Хуфу любовался прямыми плоскостями, стремительно убегающими в вечную синеву неба. А Хемиун продолжал:

– Это будет сплошная толща камня из гладко обтесанных и шлифованных глыб. Смотри, о повелитель мой! Если представить, что будет внутри ее, то заупокойная камера расположится под самой вершиной, вход в нее будет на высоте двадцати восьми локтей. Вот здесь пройдут наклонные коридоры и небольшая усыпальница для царицы. Кроме этого, еще пять пустот, все остальное будет из камня. Такую толщу невозможно сокрушить ни времени, ни человеческим рукам. А мощное основание придаст великую устойчивость.

Архитектор помолчал. Царь сидел, согнувшись над папирусом. Хемиун приступил к самому неприятному. В осторожных, но достаточно ясных словах изложил огромность затрат средств и труда, почти невозможность осуществления предложенного замысла.

Хуфу, не сводя глаз с папируса, казалось, молча слушал его, а потом сказал:

– Превосходно то, что ты сделал. Приступай немедленно к строительству.

Хемиун удивленно вскинул глаза. Вероятно, царь не слушал его.

– Но ведь я поведал твоему величеству, что всей твоей казны не хватит на это сооружение. Его надо уменьшить в высоту на сто локтей и в основании, – еще раз настойчиво повторил Хемиун.

Фараон оторвался от папируса и небрежно бросил (не допуская мысли что-то изменить в проекте):

– Храмы отдадут часть своих богатств, которые без пользы хранят в складах. Прекратим все постройки, отзовем часть крестьян, налоги поднимем. С завтрашнего дня приступай к делу. Созовем верховных жрецов храмов, они тебе помогут. Пирамиду не уменьшай ни на один палец.

Ошеломленный зодчий опустился в поклоне перед владыкой и молча покинул дворец. Самые противоречивые мысли волновали его: невероятная мечта неожиданно осуществлялась, но найдет ли народ силы воплотить ее в реальное сооружение и довести до конца, ибо Хемиун понимал, что его сооружение коснется всего народа, всей страны. Только теперь до сознания дошла вся серьезность порученного дела, но изменить ничего уже было нельзя. Грозный царь, увлекшийся идеей создания величайшей гробницы, не позволит отступить ни на палец, как он сказал. Впереди могла быть только кипучая деятельность. Другого пути для него отныне не было. Озабоченный и взволнованный, он вернулся домой, не зная – радоваться следует или печалиться.

С папирусом царь не желал расставаться. Он сидел прямой, и на его лице, обычно каменно-неподвижном, была торжествующая улыбка.

Он нашел своего Имхотепа!

На другое утро Хемиун рано поднялся с постели и после легкого завтрака в сопровождении нескольких строителей отправился на окончательный выбор площади. Четверо нубийцев несли его кресло-носилки, а четверо других шли, готовые к смене: путь был далеким. Двое слуг в больших корзинах несли завтрак и в закупоренных кувшинах пиво и вино.

После придирчивого осмотра строители вместе с чати выбрали ровную возвышенную площадь, с которой гробница будет хорошо видна со всех точек столицы и отдаленных окрестностей.

Вот здесь, на границе зеленой долины и желтых мертвых песков пустыни, поднимется вверх пирамида, символизируя собой уход живого бога в страну мертвых, которая, по представлению жрецов, находилась на западе, за этими горячими бесконечными песками. Выбранный участок отмерили и обнесли камнями по границе. Вчерне наметили и дороги для доставки глыб от близко расположенных известковых скал.

После осмотра Хемиун позавтракал со строителями в тени скалы, остатки еды были отданы слугам.

Вернувшись в город, он призвал к себе нескольких начальников строительных отрядов и приказал всем приступить немедленно к работе. Он распределил обязанности между ними. Первый отряд должен начать заготовку глыб в каменоломнях вблизи стройки; второй – сгладить и подготовить дорогу от каменоломен к строительной площадке. Начальнику третьего отряда поручалось выстроить поблизости от каменоломен поселок для рабочих, чтобы не тратить время на длинные переходы. Четвертый отряд чати направил на проведение канала от реки к рабочему поселку и к строительной площадке для снабжения водой. Пятый отряд должен готовить белые облицовочные плиты на восточном берегу Хапи¹³ в каменоломнях Туры. Хемиун подробно указал всем начальникам отрядов их обязанности, после чего они занялись подбором рабочих в строительные отряды.

Все последующие дни образованнейшие жрецы храма Тота рассчитывали количество блоков и плит, медных инструментов, древесины и многого другого, что требовалось для стройки неслыханной величины. И пока эта работа подходила к концу, лица математиков становились удивленнее и озабоченнее. Никогда еще никто не видел такого огромного труда и таких затрат. Они качали головами и почти беззвучно перешептывались.

¹³ Так называли Нил египтяне в древности.

Менкаутог – верховный жрец-заклинатель – внимательно рассматривал результаты расчетов. Его глаза изумленно расширились. Он озабоченно провел рукой по лбу и, сгорбившись, глубоко задумался. Обязанность верховного жреца вынуждала его высказать царю свои опасения. Подавленный, в ожидании гнева, шел он во дворец. Особенно страшила его мысль об отрыве земледельцев, грозившем неурожаями и бедствиями.

Хуфу, сидя на золоченом кресле очень высоко, смотрел на жреца сурово.

– Твое величество! Усыпальница, задуманная чати, величественна и неизъяснима по красе. Но, согласно нашим расчетам, потребует невиданного числа людей и для них горы еды, инструментов и всего другого. В казне Кемет нет таких средств и никогда не имелось. Усыпальница в срок может быть не окончена...

Жрец невольно смолк под тяжелым взглядом царя. Каменно-неподвижный, он был грозен, недоступен, как бог. Лежа на полу, на приемах в тронном зале, сановники и послы дрожали от страха.

Даже в гневе Хуфу не переходил на торопливую речь. После некоторого молчания он высокомерно ответил:

– Никакого уменьшения моего Горизонта я не допущу. Мое государство в полном расцвете и в состоянии возвести одно крупное сооружение. Средства, которые для этого требуются, велики, но будут расходоваться постепенно, как постепенно будут и поступать. На моей земле много храмов, в них много бесполезных богатств, вот они и внесут часть их на это великое дело. Храм Тота, хранитель мудрости, первый покажет в этом пример. Отныне вся Кемет будет строить только мою пирамиду. Все другое строить запрещаю. В том числе и новые храмы.

И он знаком показал, что жрец свободен.

Менкаутог почтительно поцеловал носок сандалиии в знак повиновения и, осторожно пятясь, удалился из зала.

Встревоженный и растерянный, вернулся он в храм и приказал жрецам пересчитать еще раз. Однако и эти расчеты подтвердили прежние результаты.

Менкаутог призвал к себе верховных жрецов храмов Птаха, Ра, Хнума и других. Все вместе начали обсуждать ритуал закладки Горизонта Хуфу – Ахет Хуфу¹⁴.

После ухода жреца фараон, однако, задумался... А если все-таки Менкаутог прав и средств в стране действительно не хватит? Если, начав, он не сможет закончить, как это было с некоторыми предшественниками? Ведь не окончил же своей гробницы фараон Могучий Телом – Сехемхет... С начатой и не доведенной в строительстве даже до половины гробницы теперь растаскивают камни, засыпают ее пески пустыни. Пройдут еще десятки лет, и об имени фараона Сехемхета никто не вспомнит, лишь жрецы сохраняют его в своих свитках, куда записывают все главные события в стране Кемет. Как фараон Хуфу не хотел, чтобы его божественное имя было забыто! И он этого не допустит. Его гробница будет закончена! Он примет все меры, чтобы строительство шло быстро и окончилось как можно раньше. Для этого требуется занять большее число людей. Средств не хватит? Да, у казначея их недостаточно, но Черная Земля – богатая страна. В ней много людей, которых можно заставить работать. Все население будет уплачивать налог на строительство. А как много храмов, больших и маленьких, очень богатых, с многолетними запасами зерна, тканей, и инструментов, и рабов... Все это можно с большей пользой употребить на Священную пирамиду. Ведь дарили цари храмам земли, золото, рабов, виноградники, продовольственные и другие сокровища... Теперь настала их очередь помочь своему царю. Пусть отдадут часть своих богатств, а потом пополнят их.

Хуфу вызвал к себе домоуправителя и приказал разослать вестников по храмам, чтобы верховные жрецы явились к нему.

¹⁴ Так называли строительство пирамиды Хуфу.

Дня через три человек двадцать верховных жрецов явились в тронный зал и пали ниц перед владыкой. Хуфу торжественно сидел на высоком золотом троне, положив руки на резные подлокотники из слоновой кости. Ноги его опирались на скамейку из черного дерева со сложным узором из золота и лазурита. На царе была парадная красно-белая корона с обвивавшей ее драгоценной коброй для защиты от всех врагов. Все это: блистающий трон, величественный наряд царя, неподвижного, как каменный бог, – говорило об особой важности совещания. В львиных и леопардовых шкурах – отличительный знак верховного сана – жрецы расположились полукругом перед тронном в ожидании.

Хуфу посмотрел сверху на склоненные спины жрецов и начал медленно, чуть глуховатым голосом:

– Настала пора, когда по нашему священному обычаю я должен начать свой Горизонт. Задуманное мною превзойдет все, что было сделано до нас на земле. Храмы – хранители древних святых обычаев – обязаны помочь мне и выделить часть своих богатств. Огромная постройка требует огромных средств. Затем я и собрал вас сюда.

Тяжелое молчание воцарилось в роскошном зале. Склоненные лица жрецов были неприкасаемы. Было так тихо, словно никто из них не дышал.

Тогда Великий Начальник Мастеров храма Птаха смело поднял голову и начал, уверенный в поддержке соседей:

– Я должен сообщить твоему величеству, что храмы не могут этого сделать. Мы бережем богатства для тяжелых испытаний, которые могут выпасть на нашу страну. Так думают и другие. Твоя же пирамида может быть как у великого Снофру, чей голос правдив.

Жрец умолк и взглянул на фараона.

Хуфу сидел такой же неподвижный. Узкие глаза горели недобрым огнем. Чуть заметно трепетали ноздри. Сейчас он особенно напоминал своего отца Снофру, когда тот бывал в гневе.

Невольно голова жреца крупнейшего столичного храма опустилась ниже в знак покорности.

В это время жрец храма Ра произнес мягким голосом:

– Храм бога Солнца сделает все, что в его силах, для осуществления твоих замыслов, о повелитель, да живешь ты вечно!

Хуфу одобрительно кивнул головой. Легким жестом он снял перстень и милостиво надел на палец жреца. И все поняли, что отныне начнется еще большее возвышение храма Ра над другими, даже над первым и главнейшим храмом – храмом Птаха. И сознание многих жрецов точила сейчас завистливая мысль, почему не он первый изъявил готовность. Следующим поднял голову Менкаутог и от имени всех храмов выразил готовность помогать царю в исполнении его замысла. На божественном лице фараона появилась довольная улыбка.

Когда Великий Начальник Мастеров выходил из царского дворца, его мучила мысль, что скупость и высокомерие сослужили ему плохую службу. А эта хитрая, ласковая bestия удачно выбранным моментом обеспечила своему храму успех и первенство в глухой вражде меж храмами. С сегодняшнего дня эта борьба станет еще острее. Как он был неловок сегодня! Не мог понять остроты момента и потерпел позорное поражение. Разве требовали с храмов всех богатств?

Очень недовольный собой, он сел в свои носилки, и слуги понесли его в Анхтауи, где находился храм Птаха.

Вскоре состоялся торжественный праздник закладки царской гробницы. Фараон, облаченный в одежды Осириса, сверкающий драгоценным уреем¹⁵ с зелеными изумрудными глаз-

¹⁵ Урей – золотое изображение змеи кобры; по верованиям древних египтян, кобра отвращала врагов от фараона.

ками на ярком пшенте¹⁶, возглавлял пышную церемонию. Жрецы и жрицы в одеяниях богов и богинь, члены царской семьи, вельможи и массы народа участвовали в празднике.

Во время церемонии вбили колья и натянули веревки, ограничивающие площадь Ахет Хуфу. Под заклинания верховного жреца храма Птаха в яму под фундамент опустили жертвы закладки – череп быка, глиняные пластинки и кирпичи с именами фараона. Туда же поместили несколько разбитых сосудов и кусок строительного известняка. Вокруг отмеченной площадки вырыли канаву и пустили воду. По ее уровню и выровняли площадь, чтобы избежать перекосов сооружения. А позже жрецы-астрономы много дней занимались уточнением положения пирамиды по звездам, чтобы она была расположена строго по сторонам горизонта.

Праздник прошел торжественно. В лучах солнца парадно сияли белые одежды. Драгоценные камни, золото, серебро и электрон¹⁷ на знатных дамах и сановниках ослепительно сверкали и придавали празднику особый блеск, яркость. Столичная знать, щеголи с удовольствием вышли на празднество, чтобы показать роскошные наряды и драгоценности; ремесленники и простолюдины, обрадованные возможностью отдыха, от души веселились, еще не представляя тех тяжестей и горестей, которые принесет невиданная постройка народу.

Весь день радостно шумела столица. На всех углах продавали пиво, вино, финики, пирожки, виноград, сласти. В царском дворце целую ночь слышалась музыка. Целые горы яств были разложены перед гостями. Юные танцовщицы развлекали гостей танцами. Лучшие певцы и музыканты услаждали божественный слух фараона, его семьи и всей многочисленной дворцовой знати.

А за белыми толстыми стенами дворца по-своему веселился народ. В глиняных кружках искрилось дешевое вино, шипело пиво. Ячменные лепешки, длинные огурцы, соленая и печеная рыба, виноград – все подавалось на пир тружеников. В бурном веселии танцевали и пели все простолюдины.

В густой черноте южной ночи мелькало множество факелов. Чад и копоть висели над городом. Песни и смех слышались всю ночь. Праздник закладки продолжался еще несколько дней и надолго запомнился народу Черной Земли.

Фараон был счастлив. Все предвещало удачу в его огромном замысле.

В городе началась оживленная суета. В небывалых размерах производились работы в каменоломнях, срочно прокладывалась дорога к строительной площадке. Вблизи нового некрополя возводился поселок для строителей. В городе не хватало людей, жилищ; ремесленники были загружены до отказа. Люди все прибывали в город и окрестности. Писцы и надсмотрщики мечтали о наживе в общей суматохе. Везде кипела работа. Город шумел, наполненный до отказа суетой и движением.

Но вместе с оживлением тихо и упорно поползли зловещие слухи, что царь задумал такую постройку, которая разорит всю страну. Шепотом люди говорили, что строительство гробницы грозит нарушить всю жизнь народа. Во много раз возрастут и без того большие налоги, начнутся трудовые повинности. Никогда от сотворения мира не было таких построек, и потребует она таких сил, что все придет в ветхость, некому будет следить за орошением земли, ремонтом плотин и каналов. Голод будет угрожать народу. Слухи ползли все дальше и настойчивей. Полиция и писцы по указу начали преследовать за них. Замеченных в распространении вредных разговоров начали ссылать на тяжелейшую работу в каменоломни.

Так начиналось строительство Великой пирамиды.

¹⁶ *Пшент* (клафт) – двойная корона египетского царя красно-белого цвета в знак власти над обеими странами: красная корона Нижнего Египта, а белая – Верхнего.

¹⁷ Сплав золота с серебром.

Двадцать пять лет спустя

У первых порогов

В предрассветной тишине откуда-то с окраины пустыни донесся грозный львиный рев. В деревне испуганно отозвались собаки.

Руабен проснулся от этого шума и прислушался к постепенно стихающим звукам. Он спал на плоской кровле хижины, застланной циновками из прибрежного камыша. От реки чуть заметно доносился влажный ветерок с запахом ила и тростников. Над хижинкой еле слышно бормотали верхушки пальм. Тихо дышала рядом Мери, маленький Пепи громко посапывал носом, и совсем неслышно спала малютка. От изнурительного труда последних дней болело тело. Кругом земледельцы готовились к приему воды в реке. Спешно заканчивали укрепление валов и чистку каналов. Оставалась еще часть новой дамбы, на которой община собиралась работать днем.

Незаметно его мысли перешли на свой участок. Хорошо, если бы вода в этом году была большой. Как трудно орошать высокие земли! Счастливы соседи! У них вода на землю идет по каналам, сколько нужно. А излишек всегда можно спустить. И земля глубоко пропитывается, и ила оседает много.

А вот на его клочке никогда не бывает избытка драгоценной влаги. Трудно весь день черпать воду под жгучим солнцем. Он и ведра сделал больше, все равно работа идет медленно. Зерна осталось в большом кувшине только на семена, да еще надо принести жертву богине Исиде – покровительнице урожаев. Оттуда даже горсти нельзя трогать. Придется продержаться на козьем молоке да на овощах. Будет свободнее, можно и рыбу половить. Через несколько дней кончатся трудовые повинности на реке, тогда будет время, и он поработает. Руки у него с умелыми пальцами. Особенно он любит работать с камнем. Красивые сосуды, маленькие ушебти – фигурки, которые любящие родственники кладут в могилы ушедшим в страну молчания.

От близкой реки тянет освежающей прохладой. А мысли идут бесконечной чередой. Звезды на небе давно побледнели, разгорается яркая заря. Река начинает блестеть. Бледно-золотые блики на ее глади переходят в розовые и оранжевые. Руабен поворачивается и смотрит на спящую жену. Устав за долгий день, она спит очень спокойно, только затененные веки чуть трепещут, и вздрагивают иссиня-черные крупные ресницы. Густые волосы прикрыли ее плечи и грудь. В свежем утреннем воздухе ее сон крепок. Во сне она кажется совсем девочкой.

Первые солнечные лучи уже скользят по верхушкам пальм. И вдруг в просвете их крон он замечает звездочку, яркую и единственную. Радостный вздох вырывается из его груди.

– Сотис!¹⁸ Наконец ты явилась!

Теперь со дня на день можно ждать прибытия больших вод. Каков-то будет в этом году разлив? А каков разлив, таков и урожай!

Он любовался звездочкой-вестницей, и так хотелось поделиться своей радостью с Мери, что он не выдержал и потерял ее за плечо.

– Зачем так рано вставать? – сонно отозвалась Мери.

– Посмотри сюда! Сотис явилась!

– Неужели? Где? Покажи, покажи!

– Смотри сюда! Вот между двумя листьями! Видишь, какая яркая?

Мери радостно вздохнула.

¹⁸ *Sotus* – Сириус; первый восход Сириуса совпадает с разливом Нила, в солнечных лучах он невидим.

– А теперь спи! Рано еще!

Руабен осторожно закрыл ладонью ее глаза и легко коснулся губами шеи. От его нежного прикосновения Мери, не открывая глаза, ласково улыбнулась. Она умела быстро засыпать, и через несколько минут ровно дышала. Руабен пытался сомкнуть веки, но они снова открывались, и глаза находили звездочку, появление которой возвещало о близком разливе реки.

«Нет! Все равно не заснуть», – с досадой думает Руабен и бесшумно спускается с плоской кровли на маленький дворик. Деревня еще спит, и кругом стоит торжественная тишина. Он берется за красивый сосуд и начинает осторожно работать медным сверлом. Отверстие углубляется очень медленно. Чем скорее управится он с этим сосудом, тем раньше получит за него зерно. А оно так сейчас нужно! От одного молока и овощей голодно на тяжелой работе. Этот сосуд заказал ему писец из дальнего селения. Но не так-то быстро его можно сделать. Камень очень крепок, и из-за хрупкости приходится осторожно работать. Руабен подсыпает влажный песок, который ускоряет работу, и снова продолжает вращать сверло сильными пальцами. И продолжает думать. Никогда ему не хватает урожая: мало земли. Это еще бы ничего. Но как только собрано зерно, – забирает писец Большому дому, да будет он жив, здоров и могуч. На семена надо оставить, да храму... Семье остается совсем пустяк.

В работе он не замечает, как быстро идет время. Солнце уже поднялось выше и скользит по верхушкам пальм, добирается до крыши. Деревня пробуждается. Мычат коровы, блеют козы. Вот и Мери спускается вниз, плещется водой, начинает доить коз. Окончив доение, она зовет мужа завтракать. На чистой циновке кружка молока и ячменная лепешка. Завтра ее уже не будет. Сегодня она поэтому кажется особенно вкусной. Руабен отламывает половину и прячет под кружку, пока Мери возится с малышами. Он улыбается, представляя, как она рассердится, когда ее увидит. Он знает, что она себе не оставила.

После завтрака Руабен заходит за соседом, и вскоре все мужчины идут на плотину.

Последний участок плотины, на котором в этот день работала вся община, часто не выдерживал напора воды, и прорыв ее вызывал наводнение в низких местах селения и связанные с ним беды. Работали в общине дружно. Одни изготавливали и подносили прутья, другие плели из них плетни, третьи таскали и месили глину, а наиболее опытные укрепляли стены плотины. Работами руководил сельский староста – почтенный старик, страдавший недугами. За долгую жизнь много поработал он на плотинах и каналах, и лучше его никто не мог этого делать. Расположение каналов требовало ума и наблюдательности, чтобы и воду сберечь в бассейне, и подвести ее без потерь на зерновое поле и все его напитать.

Всем уже было известно, что показалась Сотис и на днях река принесет первые большие воды откуда-то из таинственных глубин южных далей, где никто никогда не был. Там бог Хапи льет воду из кувшина в пещере.

Все работали сосредоточенно. В это время показался новый скриб¹⁹, прибывший несколько дней назад вместо умершего. Это был низкорослый человек с отвислым дряблым животом. Из-под тяжелых надбровий выглядывали маленькие глазки.

Скуластый, с толстыми обезьяньими губами, он производил отталкивающее впечатление, и все сторонились его, предчувствуя, что от этого зловещего человека можно ожидать всяких бед. Но он был властью в селении, и сторониться его можно было не всегда.

Когда скриб Хати приблизился, все стояли в почтительном поклоне, низко склонив спины. Но вместо обычного приветствия, как это было при его предшественнике, скриб злобно накинулся на работающих:

– Презренные шакалы! Кто так делает? Гиена старая! Что я тебе вчера приказывал? Сегодня вы должны прийти на мой участок и работать на мой дом. Что, по-вашему, я буду жить под открытым небом?

¹⁹ Писец.

Плетка со свистом опустилась на старосту, потом еще один удар обрушился на его спину, но когда плетвь взметнулась в третий раз, сильная мужская рука перехватила ее на лету, и разъяренный Хати увидел над собой Руабена.

– Неужели тебе не стыдно поднимать руку на всеми уважаемого старого человека? Наш умерший скриб никогда так не обращался с нами.

Лишенный плетки, задыхающийся от бессильной злобы, Хати смотрел вверх на широкоплечего парня, в глазах которого было откровенное презрение. А кругом стояла толпа мужчин с хмурыми лицами. Жестокий, но трусливый, скриб отошел на несколько шагов назад и проворчал:

– Не привыкли? Придется привыкнуть, я ленивых не потерплю!

Староста посмотрел благодарными глазами на Руабена, но в его взгляде сквозило беспокойство. Он поклонился Хати и сказал:

– Напрасно гневаешься, господин! На рассвете появилась Сотис, значит, благодатный Хапи на днях будет наполняться водой, а у нас не готова одна плотина. Здесь часто бывают прорывы, тогда нам не справиться с рекой. Дня через два закончим и перейдем к тебе всей общиной.

Тон старосты был спокоен и полон достоинства. Хати посмотрел на неоконченную работу, на жилистых мужчин и сильных парней и, подыскивая слова для отступления, пробормотал:

– Надо было вчера сказать.

Он бросил взгляд, полный злобы, на Руабена и, взяв плетку, пошел к селению. После его ухода длилось тяжелое молчание.

– Да сгорит твое сердце, и прах да будет выброшен в пустыню, чтоб вечно блуждало твое Ка²⁰ в поисках, – шептал вслед Хати сын старосты. Он с горечью смотрел на расстроенное лицо отца и на его спину, где набухали красные рубцы.

– Принимайтесь за работу! – напомнил староста.

– Да! Этот покажет себя! Не раз мы добрым вспомним старого писца, не обижал зря людей. Сразу видно, что дурной человек, – проговорил Бату – старший брат Руабена, такой же высокий и сильный.

Староста, как бы забыв о происшедшем, озабоченно посматривал на вал.

– Не разнесет река? Что-то он мне кажется ненадежным...

– Я знаю большой обломок скалы, он хорошо бы закрыл весь проход, да еще если навалить его со стороны воды. Только трудно переправить, – высказался Руабен.

Посоветовавшись, решили все же притащить камень и укрепить им опасный участок плотины.

Весь остаток дня и следующий день волокли они на длинных жердях большую плоскую глыбу с границы пустыни. Все так измучились, что вечером еле добрались домой. Утром на следующий день ее установили. Глыба так удачно встала на место, что все пришли в восторг.

– Теперь останется здесь на вечные времена! – смеялся довольный староста.

Вечером Бату зашел к Руабену. Они посидели, обсуждая свои дела. Мери покормила их. Ячменя дома не было, и еда была овощная. Прощаясь, Бату сказал брату:

– Плохого человека к нам прислали, а тебя он запомнил и, чего доброго, будет мстить. Будь осторожен.

– А что он может мне сделать? – беззаботно отозвался Руабен. – На работе, в общине я не из последних...

²⁰ По верованиям древних египтян, незримый двойник, рождающийся с человеком и охраняющий его после смерти в загробном царстве; жилищем Ка служила гробница.

Он и сам понимал значение злобного взгляда писца. Разве он не прав был, когда встал на защиту уважаемого старого человека?

Закончив наконец работы по укреплению дамб, община направилась на строительство дома новому писцу. Чтобы замаять как-то неприятность, решили работать целые дни без перерыва. Кроме того, всем нужно было время на своем хозяйстве, мужчины мечтали половить рыбу и поохотиться, зерно почти у всех кончилось. Работать у Хати было очень неприятно. Скриб был всем недоволен. Земледельцы, превратившиеся в строителей, молча слушали, как он шипел и визжал. Голос у него был на редкость резкий и неприятный. Несколько раз он подскакивал к Руабену, но тот невозмутимо делал свое дело и делал так хорошо, что придраться было не к чему. Но скоро все очень осложнилось. У Хати оказались большие аппетиты. Он пожелал, чтобы дом его был такой же, как у вельмож в городах. Средняя комната должна быть выше других и с верхним освещением.

Староста выслушал его желания, задумался и осторожно возразил:

– Для такой высокой комнаты нужны большие стволы, чтобы держать потолок с крышей. Где же мы их возьмем?

Он посмотрел кругом. Берег пологими ступенями спускался к реке. Множество поколений в поте лица трудились над тем, чтобы сделать их плоскими и превратить в поля. Валы и каналы, пересекающие берег, молчаливо свидетельствовали об упорной и тяжелой борьбе с пустыней, у которой они отбирали ничтожные клочки для посева ячменя и полбы. Они воевали с палящим солнцем, грозившим иссушить их труд. Они боролись с могучей рекой, с ее капризами, она то пугала сокрушительными страшными наводнениями, то угрожала недостатком воды и голодом. На узкой живой полосе, отвоеванной поколениями людей у пустыни, светлели бассейны, в которых задерживали воду для полива после спада воды в реке.

В отдалении от деревни темнела густая роща пальм, перемешанных с финиковыми.

– А вон сколько пальм... Ничего не случится, если и срубите несколько штук.

Староста удивленно посмотрел на скриба.

– Но это же священная роща при храме Исиды. Мы не смеем ее касаться.

– Тогда сруби у кого-нибудь из жителей.

В глазах старосты мелькнул гневный огонь, но сейчас же потух под опущенными устами веками. Он помолчал и потом, тяжело вздохнув, ответил:

– Хорошо, господин! Дней через десять мы добудем нужные стволы. Требовать пальм от сельчан я не могу: это беззаконие. Эти пальмы нас кормят, селение наше малоземельное, и голод в нем частый гость.

Он поклонился Хати и пошел неторопливым шагом, согнувшись под тяжестью нелегкой задачи.

Вечером созвали мужчин. Староста передал разговор с Хати. Все возмутились, но кому жаловаться? На безлесном побережье трудно было достать древесину и тем более большие бревна. Свои хижины строили из речного ила, перемешанного с тростником. Все молчали и со страхом думали о своих кормильцах-пальмах. Наконец встал Руабен:

– У каждого из нас по три-пять пальм, редко у кого десяток. У всех голодные рты, и никому не хочется отдавать своих кормилиц для прихоти. Давайте поднимемся на лодках в страну Уауат²¹ и там поищем. Нелегко это сейчас, опасно. Но что же делать? Чтобы вырастить пальму – нужно много лет...

Община согласилась с ним и избрала десять посланцев в Северную Нубию. В их число попал и Руабен.

Дня через три несколько легких камышовых лодок направились к ревущему порогу мимо цветущих островов Элефантины и Филе. Здесь течение реки было стремительным, и они осто-

²¹ Уауат (Вават) – так называлась область Северной Нубии около первого порога Нила.

рожно пробирались вблизи берега, с трудом сопротивляясь силе реки. Не раз им приходилось нести поклажу на себе или, положив ее в лодки, везти их по волокам, чтобы обойти порожистые места. Вода бурно прибывала, и они с опаской следили за рекой, с бешеной силой стремящейся выйти из гранитных теснин и скалистых нагромождений.

По этому пути мужчины из селения Белая Антилопа не раз поднимались вверх по Хапи на охоту. Гонимые вечным недостатком пищи, они привыкли к опасности. Голод заставлял молчать благоразумие. Но необузданная мощь огромных масс воды вселяла ужас, и они с трепетом обращались к милости бога Хапи.

Путь вверх прошел благополучно. Оставив челноки на берегу, вся группа отправилась в сухие степи, где в отдаленных местах были разбросаны заросли кустарников и деревьев. Но в эти места часто снаряжались экспедиции из Менфе за крупными стволами, поэтому в поисках больших деревьев приходилось углубляться дальше и дальше, в глубь степей, кишаших хищниками и змеями. Меткие лучники настреляли птиц и антилоп. Но идти по степям пришлось довольно далеко. По дороге встречали жителей Уауат, но те и другие избегали общения. Для жителей этих степей они давно были нежеланными гостями, ведь они охотились на дичь, кормившую население Нубии.

Дней через пятнадцать мужчины вернулись к реке. Четыре ствола, обрубленные от сучьев, донесли попеременно на плечах. Свежесрубленные, они были непомерно тяжелыми от влаги. Приходилось часто меняться и отдыхать. Остальные несли заготовленное вяленое мясо. Доставив с большим трудом бревна на берег, отдохнули день и решили еще немного поохотиться поблизости.

За это время река вспухла и поднялась локтей на двадцать вверх. Вода бурлила со страшной силой в скалистых берегах и все прибывала и прибывала с юга. Переправа бревен представляла сложную задачу. Тяжелая даже в сухом состоянии, древесина акаций теперь была тяжелее воды и сплавом воспользоваться было нельзя. На плечах или волоком тащить было довольно далеко.

После долгого раздумья решили погрузить их в челноки и, привязав крепкими веревками, повели с берега. Путешествие вниз в обычных условиях занимало дня два, теперь им требовалось больше недели. Оставался последний переход до дома. Все уже радовались близкому возвращению, когда вдруг случилось несчастье.

Вечером лодки с бревнами выгружали на берег. Бурным течением одну из них опрокинуло, и бревно ударило в голову одного из мужчин, который подталкивал лодку. Он погрузился в кипящие струи, и вода, подхватив безмольное тело, скрыла его из глаз. Все горестно ахнули, но в бурлящей стремнине даже невозможно было определить направление поисков. Труп товарища навсегда скрылся в реке. Домой возвращались убитые этой неожиданной потерей.

В селении Белая Антилопа в тревоге собирались все вместе на берегу. Вместо предполагаемых десяти-двенадцати дней мужчины пробыли в пути почти месяц. Когда толпа сельчан, родственников, соседей окружила их, мужчины угрюмо молчали... Руабен вздрогнул, увидев глаза матери погибшего. На берег пришел сияющий скриб, но от него все отвернулись. Народ пошел в селение, оставив его одного около злополучных бревен.

Вечером собралась община, поделили привезенное мясо, рассказали о своем походе, о гибели товарища. Решено было помогать семье погибшего.

Через два дня мужчины пошли строить дом Хати.

Община спешила закончить дом писцу и освободиться быстрее для своего хозяйства. Иногда совсем не уходили домой, тогда обед приносили жены.

Однажды Руабен возился с окном в доме и заглянул во двор, огороженный стеной из кирпича-сырца. Он увидел Мери с корзинкой, в которой она принесла обед. Она оглядывалась кругом. В деревне было много разговоров о необыкновенном доме, который строило все селение.

Руабен, улыбаясь, смотрел на жену. Она стояла в белом стареньком платье, туго обтягивающем ее стройную легкую фигурку. Белая лямка резко выделялась на смуглом плече. Живые, яркие глаза с веселым интересом рассматривали большой невиданный дом и двор, в котором уже был готов и очаг для приготовления пищи.

В этот момент к ней подошел сам хозяин Хати. Руабена передернуло от его улыбки на обезьяньих губах. Хати вдруг обнял Мери за плечи:

– Откуда ты взялась, такая красотка?

Мери растерянно посмотрела на него и резко сбросила его руку. На выразительном ее лице отразилось непередаваемое отвращение и брезгливость.

– Подумаешь, гордячка в лохмотьях... – со злобой прошипел Хати. – Ты у меня еще запомнишь это.

Но Руабен уже спешил к своей подруге на помощь.

– Это моя жена. У нас в селении к чужой семье относятся с уважением, и прежний писец, да будет ему хорошо на полях Иалу, не обижал нас, – твердо проговорил Руабен. Статный и сильный, он возвышался над коротконогим и безобразным Хати. Испуганная Мери стояла рядом с мужем, не зная, что делать. Она смутно чувствовала, что от этого человека может прийти в ее дом беда, хотя она и не знала какая.

– Слишком часто вы вспоминаете старого писца, распустил он вас. Но у меня так не будет, – с угрозой произнес Хати и пошел внутрь своего дома.

Руабен хмуро посмотрел ему вслед. С тех пор как появился этот человек, он все время сталкивается с ним, и временами его охватывало неясное беспокойство. Но каждый раз он поступал так, как обязывала его совесть. Разве не должен он защитить жену?

Они сели вместе с другими соседями, видевшими неприятную сцену.

– И откуда он взялся на наше шею? – с досадой проворчал Сети, молодой сосед Руабена.

Большой Хапи хозяйничал в своей долине. Вся она наполнилась его мутными бурными водами. Настало важное дело в жизни земледельцев – орошение полей. Теперь надо следить, чтобы наполнились бассейны, чтобы из водоемов по каналам вода пошла на поля. Надо следить за дамбами, чтобы не сорвало их буйство паводка.

Руабен с Мери и детьми ходили в маленький сельский храм, расположенный за селением. В него ходили крестьяне многих соседних мелких деревушек. Там, перед статуей доброй матери всех земледельцев Исиды, они горячо молились о послании им хорошего урожая. В каменный объемистый сосуд Руабен высыпал дорогую жертву – половину хеката²² ячменя – в дар богине. Старенький жрец мягкими руками приласкал Пепи и успокоил молодую семью, сказав, что жертва, принесенная от чистого сердца, вознаградит хорошим урожаем.

Ранним утром Руабен отправился на свой клочок земли. Он находился выше всех участков, у самой границы со скалами. Несколько лет назад, безземельный бедняк, он отвоевал у камней и песков небольшую площадь, натаскал корзинами жирную землю с нижних мест. Терпеливым, безмерным трудом он создал небольшой участок; остальное доделала речная вода, несущая богатые удобрения. За несколько лет там, где были горячие бесплодные пески, выросло ровное черное поле, на котором зеленели ячмень и полба²³, наливались тяжелые колосья.

Но сейчас это поле лежало перед хозяином сухое, с зияющими трещинами, и жаждало воды.

Самый высокий участок и самый тяжелый. Для него пришлось таскать много глины и камней. Несколько дней он поправлял канал, укреплял бока его камнями и обмазывал глиной, чтобы не было утечки воды. Однако конец общинного канала был еще далеко от его поля, и он

²² Хекат – около 5 л.

²³ Разновидность пшеницы.

углубил ранее проведенный поперечный каналчик и в конце его выкопал водоем. Пока стояла высокая вода, самотеком поступающая в его водоем, надо было спешить, иначе пришлось бы таскать ее еще дальше.

Много дней от зари до зари под палящими лучами солнца Руабен таскал воду в двух ведрах на коромысле. Ведро за ведром черпал он из водоема, поднимал коромысло на плечи, скользил по размокшей земле и выливал на сухое свое поле. Бесконечное число ведер. Они мелькали в ослепительном солнечном сиянии и тогда, когда он закрывал глаза и в изнеможении валился на циновку. Ведра с водой снились, когда короткая ночь пролетала над утомленным телом. На плечах и шее от коромысла стерлась кожа и покрылась коростой, тогда он стал носить ведра в руках.

Ранним утром уходил он работать, и снова капли пота щипали глаза, соль выступала на голой спине, смешивалась с пылью и песком, занесенными жгучим ветром пустыни.

Казалось, никогда не напоить земли, никогда ее не напитать. Но ведро за ведром льется мутноватая вода, доходит до окаменевшей сухой земли и исчезает в ее трещинах бесследно. Онемевшая спина и руки отказываются двигаться. Но перед глазами мелькают детские ручонки. Разве он допустит, чтобы голод иссушил их? Усталость становится меньше. Он поправляет ручеек, своенравно текущий в сторону увлажненной земли, заодно утоляет жажду. Хорошо бы поесть ячменной лепешки или каши из пшеницы эмера... Но ячменя давно нет, и никакого зерна нет. Голод донимает, и он однажды отправляется на рыбалку. Удачный лов радует, все накормлены, даже часть рыбы развесили просушить. Но высокая вода в Верхнем Египте держится недолго, и он спешит с поливом. Снова мелькают ведра с водой, и он радуется, что небольшое поле потемнело, потучнело, досыта напоенное водой. Руки любовно погружаются в мокрую землю-кормилицу, полную всяких запахов. Но среди смеси их сильнее всего выделяется илистый. Принесенный рекой через многие тысячи локтей, ил спокойно оседает, обогащает землю, припорошенную песком мертвой пустыни. Чем больше воды, тем больше ила, тем больше зерна даст поле.

Извечная мечта землевладельцев о большом урожае живет в его душе. Но невеселая мысль гасит эту мечту. Всеми этими землями владеет начальник сепы, и тот же писец Хати придет подсчитывать урожай с его поля и возьмет его немалую толику, да еще и себе урвет. Руабен вздыхает и утешает себя мыслью, что не весь же урожай он возьмет, останется и для его семьи. Будет свободное время – наделает каменных кувшинов побольше, за них дадут зерно. Всем нравятся его кувшины. Мотыг наделает, серпов с каменными вкладышами. Все он может сделать из камня своими руками с умелыми пальцами. Успокоившись, осматривает свое поле. Еще немного добавить воды в дальнем конце. За много дней он весь почернел. Вечером ласковая Мери заботливо ухаживает за ним, истомленным за долгий день.

Но вот земля пропитана. Теперь черная, оплодотворенная животворным илом, она готова к посеву.

Горячее солнце успело высушить верхний слой, и жесткая корка покрылась трещинами. Такое уж солнце в этих местах. Надо разбить сухие комья. Руабен крепко привязывает каменную мотыгу ремнем к тамарисковой прочной рукояти. Веселый, принимается за работу. Тяжелая мотыга быстро измельчает комья, разбивает корку. Поле готово к севу. Руабен задумывается. Нужно провести борозды сохой, но ни у него, ни у брата нет ни коров, ни быков. Он идет к богатому соседу, и тот соглашается дать коров за два каменных кувшина.

Перед посевом рано поутру Руабен и Бату возносят горячую молитву, просят о милости бога Осириса, научившего людей земледелию, и его божественную супругу Исиду, покровительницу семьи.

Торжественные и серьезные, поднялись они в поле. Бату повел покорно шагающих коров с сохой, а за ними шел Руабен с сумкой ячменя, перекинутой через плечо, и разбрасывал семена высоко поднятой правой рукой в неглубокие борозды. Тяжелая работа, но радостная

для земледельца. Земля запестрела золотистыми брызгами, и теперь осталось лишь закрыть их. Бату с коровами ушел, а Руабен ждал Мери.

Солнце поднялось уже высоко и стало палить. А вот и она... Вооружившись длинной палкой, гонит свиней и коз. В воздухе разносится далеко ее звонкий сердитый голос, и быстрая фигурка мелькает то здесь, то там, когда она бежит за отбивающимися животными. Руабен, улыбаясь, с минуту наблюдает, а потом спускается и помогает ей. Оба смеются, все идет хорошо в их маленьком слаженном хозяйстве.

Вдвоем они быстро загоняют недовольно хрюкающих свиней и беспокойной блеющих коз и прогоняют их много раз в разных направлениях. Испуганные животные мечутся из стороны в сторону, стремясь вырваться из пределов поля, но меткие палки настигают их, и они возвращаются, сталкиваются и кружатся на маленьком участке.

Острые копытца вдавливают зерна в рыхлую землю и укрывают их. Теперь птицы не выклюют семена, и солнце их не иссушит. Погруженные в мягкую постель, они скоро дадут ростки и поднимутся тесной дружной семьей.

Веселая возня на поле прекращается. Зерна хорошо укрыты. Маленькое стадо, возбужденное беготней, возвращается на пастбище, где голодные животные набрасываются на траву. Мери идет домой и, забрав детей у соседки, до жары копошится в огороде. А Руабен острой палкой загоняет отдельные зерна в землю. Теперь посев окончен. Если всеильные боги будут снисходительны, у его семьи вырастет хлеб.

Как-то раз к берегу у селения пристала большая барка, плывущая из столицы. С барки вышел важный чиновник и потребовал к себе писца. Пока посланец спешил к нему, голые любопытные мальчишки стремглав понеслись к Хати, намного опередив степенного лодочника. Остальные с жадным вниманием рассматривали гостей, редких в этих краях.

Хати торопливо шел к берегу, жирный, дряблый живот его от усердия колыхался. Стоя в отдалении, мальчишки видели, как, угодливо согнувшись, он слушал важного начальника. Через полчаса писец возвратился домой, а барка поплыла вверх к Асуану.

А еще через полчаса в деревне все узнали о причине посещения столичной барки. Через два дня она должна возвратиться и увезти трех здоровых мужчин на строительство пирамиды. Новость очень быстро разнеслась по селению. Вот уже трижды уходили мужчины до этого в столицу и возвратились не все, а двое остались калеками. Мужчины угрюмо посматривали на дорогу, ожидая вестника от писца, ставшего вершителем их судеб. Женщины с заплаканными глазами прижимали к себе ребятишек. Ночь прошла тревожно.

Наутро Мери с ужасом увидела слугу писца, который потребовал, чтобы муж ее немедленно явился к его господину. Побледневший Руабен встал, но тонкие руки жены судорожно вцепились в него. Растерянный, он осторожно старался освободиться, но потом присел и начал ее уговаривать:

– Что бы ни было там, я вернусь к тебе. Боги будут милостивы. Я обязательно вернусь. Каковы бы ни были впереди муки, я вынесу их. Но ты жди и верь, что я вернусь.

Он долго еще уговаривал ее. Его уверенный голос немного успокоил Мери. Однако, пока он шел к дому писца, мысли его были в родной хижине.

Вскоре к нему присоединился молодой парень Сети, с которым вместе ездили в страну Уауат за древесными стволами. Сети был страшно расстроен предстоящим и нехотя плелся. Он очень удивился, увидев Руабена:

– Почему он тебя вызывает? Как же ты оставишь жену и детей? У меня хоть никого нет. Хати должен поговорить с общиной, кого отправлять. Но наш скриб не считается с ней. Всем распоряжается самовластно.

Сети посмотрел на товарища, и собственная неприятность показалась ему совсем незначительной.

– Поговори с ним. Хотя он на тебя злится и на каждом шагу преследует, вся деревня об этом знает. Но все же человек он.

Руабен ничего не ответил. Они подошли к дому Хати, и разговор прекратился. Молодые люди вошли во двор.

Хати сидел на циновке. Перед ним стояло блюдо с антилопим мясом и куча чеснока. Чавкая от удовольствия, он посматривал недобрыми маленькими глазками на рослых парней, согнувшихся в поклоне. Толстые губы блестели от жира, на лице была самодовольная улыбка. Он злорадно посматривал на бледного и взволнованного Руабена.

– Собирайте еду на неделю. Послезавтра вернется барка из Асуана, на ней вы поедете в Белую Стену для строительства священной гробницы для нашего всемилостивейшего живого бога, да будет он жив, здоров.

– Но у меня совсем маленькие дети. Как же я их оставлю? – вырвалось у Руабена. – Есть же в селении молодые парни, у которых нет детей. И потом – такие дела всегда решает община.

Писец не спеша прожевал кусок мяса, шумно проглотил и, ехидно улыбаясь, ответил:

– Мало ли что ты думаешь! Во всей округе ты лучший резчик по камню, там больше всего нужны резчики, вот тебе и надо ехать. О жене не беспокойся, – мокрые губы Хати сложились в гримасу, – о такой красотке позаботятся.

Лицо Руабена стало серым. Крупные, сильные кисти рук непроизвольно сжались в кулаки, но он сдержался, резко повернулся и вышел за ограду, поняв бесплодность разговора.

Он думал об отчаянном положении Мери. Наглые намеки Хати вызывали бессильный гнев и беспокойство от предчувствия бед, которые посыплются на беззащитную семью. Сзади Руабена плелся унылый Сети. Он вообще не решился ничего сказать. Не заходя домой, Руабен направился к брату. Оба они пошли к хижине Руабена и принялись ремонтировать кое-где неисправные крышу и забор. Больше всего Руабена убивало молчание Мери.

А вечером к их хижине пришла толпа друзей. В их руках были кувшины с зерном, хлебцы, вяленая рыба, сухое мясо. Пустые сосуды в маленькой кладовой Мери наполнились. Руабен сквозь слезы благодарности следил, как женщины ссыпали зерно, и думал, что бедняки несли его, сгребая последние горстки со дна больших глиняных сосудов, которые так редко бывали полными. Теперь Мери стала богаче их.

– Не горюй, друг! – говорил ему сосед. – Все мы ей поможем. Знаем, что не только за себя, за многих нас идешь. И я мог стать на твоём месте, тогда ты помогал бы моей семье. Возвращайся только. Крепись там. Да хранит тебя Исида!

Руабен только кивал головой. Ему тяжело было говорить. На дворе гости расстелили циновки, и все сели за прощальную трапезу, собранную теми же друзьями со всех дворов. Но пир был невеселым, и все скоро разошлись, чувствуя себя в чем-то виноватыми. Руабен горячо поблагодарил всех и остался с Мери. Беда, свалившаяся на их головы, была совершенно неожиданной. Он смотрел на совсем юное лицо жены, на узкие плечи и глаза, полные тоски и отчаяния. Как бесполезна была его сила теперь! Как беспомощна самоотверженная любовь!

Под черным звездным небом он сидел, обняв Мери, и тихо говорил:

– Ты знаешь, как я тебя люблю! Милосердная Исида! Ты одна знаешь глубину моих мук. Благая наша защитница! К тебе обращаюсь за помощью. Помогите нам, вашим детям! Чем мы прогневали тебя, что посылаешь такие жестокие испытания?

И впервые за весь день он почувствовал тяжелые капли слез на ее лице, хлынувшие бурным, облегчающим потоком. И когда она немного утихла, он горячо, страстно убеждал ее:

– Моя Мери! Если боги родины возьмут нас под свою защиту, я вернусь! Меня не страшит ничто: никакие муки, никакие тяжести, ты знаешь, какой я сильный и терпеливый. Может быть, я вернусь не скоро, никто мне этого не скажет... Я не знаю, что меня ожидает, но все свои силы я приложу, чтобы вернуться. Верь в это и жди!

Темная жаркая ночь проносилась над их головами...

Вниз по реке

Руабен впервые в жизни спускался по великой реке. Невеселое это было путешествие. В его ушах долго звенел раздирающий душу голос Мери, когда его вместе с другими грубо толкнули в барку и она отчалила от родного берега.

Стоя на борту быстро удаляющегося судна, он с отчаянием смотрел на жену. Несколько минут он еще различал в толпе провожающих ее лицо, залитое слезами, но потом все быстро исчезло за поворотом реки. Потрясенный, смотрел он, как скрывалось родное селение. Кто-то подтолкнул его к огромному веслу, он должен был грести и следить за ритмом взмахов.

За долгую дорогу много пришлось слышать криков женщин и детей. Судно принимало испуганных мужчин с растерянными лицами и неумолимо продолжало свой путь.

Но новая жизнь невольно втягивала Руабена в свое русло. Постепенно он обрел способность наблюдать за непрерывной сменой картин вокруг. Могучие мутные воды Хапи величаво устремлялись к северу. Большое судно длиной в шестьдесят локтей легко скользило по бесконечной глади реки. Речная долина то сужалась, стиснутая надвигающимися горами, то расширялась и прихотливо меняла свои очертания. За зелеными полосами берегов виднелись желтые песчаные холмы. Их сменяли голые мертвые каменистые склоны. В узком коридоре восточных и западных хребтов река извивалась, энергично прокладывая свой путь к морю. За многие десятки тысяч лет ей это удавалось, и она проделала себе волнистую дорогу к северу и устлала ее мощным слоем плодороднейшего ила. Река была даром бога Хапи и сама носила его название. Благодаря ей жизнь кипела на всем огромном протяжении. Сжатая горами и мертвыми пустынями, долина не давала людям достаточно плодородных земель. Она тянулась двумя узкими полосами жизни между Ливийской и Аравийской пустынями, которые надвигались мягкими волнами злого рыжего песка или дыбились острыми унылыми скалами.

Могучая река спокойно текла, как тысячи лет назад, среди необозримого песчаного океана и словно смеялась над его узорами. Ее мощный союзник – северный морской ветер – непрерывными потоками отбрасывал надвигающиеся пески. Люди окружили реку полосами полей и тенистыми валами садов. Неустанным трудом они боролись с раскаленным дыханием пустыни.

Опытным глазом земледельца Руабен всматривался в окружающее. На высоких берегах поля поднимались террасами и вместе с ними на разной высоте светлели бассейны, в которых хранилась драгоценная вода. И видно было, как поливальщики черпали воду ведрами или корзинами и несли их на коромысле в сады и огороды. Блестели загорелые спины крестьян, смешивающих свой пот с животворной речной водой, без которой земля была бы безжизненной пустыней.

Перед глазами раздвигалась панорама бесконечного разнообразия картин. Любуясь берегами, он немного забывался. На ночь останавливались у селений. Все с удовольствием покидали свой плавучий приют, чтобы посидеть на твердой земле.

Однажды вблизи пристани, у большого селения, барка неожиданно наскочила на мель. От резкого толчка многие повалились на пол. Стоявший рядом с Руабеном Ини упал в воду. Руабен несколько секунд растерянно наблюдал, как земляк барахтался в воде, но тут же крикнул ему:

– Держись, сейчас помогу!

Он быстро подбежал к гребцам и выхватил у одного из них весло. За спиной он услышал крик и, подбежав к борту, увидел крокодила. Руабен размахнулся длинным веслом и метко ударил по голове чудовище. Оно скрылось в воде, но сейчас же показались другие. Река в этих местах кишела отвратительными животными. Несчастному, окруженному зубастыми пастями, доплыть до берега оставалось локтей двадцать. Руабен бежал по борту и энергично работал

веслом, ударяя то одну, то другую голову. Ему помогал еще кто-то, тоже веслом. Но вдруг чья-то сильная кисть сжала его руку, весло выпало за борт.

– Чего вы делаете, нечестивцы? Поднимать руки на самих богов? Если ты еще позволишь себе подобное, сам пойдешь им в пищу!

Перед Руабеном стоял высокий мужчина с разгневанным лицом в белом одеянии жреца. Руабен не враз понял, чего от него хотели и почему он не должен помогать товарищу. Он со страхом посмотрел вниз. В этот момент над головой Ини сомкнулись длинные зубастые челюсти, заглушив предсмертный вопль...

– Такова воля богов! – торжественно произнес жрец.

Руабен бессильно опустился на пол. Еще одна семья осиротела. А ведь Ини можно было спасти. Ему так немного оставалось доплыть.

Позже гребцы разъяснили ему, что в этом сепе²⁴ крокодилы были священными животными. Прикосновение к ним воспрещалось и грозило строгим наказанием. Все дивились, сколько было в реке этих безобразных священных животных.

– Хорошо еще, что этот жрец не наказал тебя. Видно, рабочие руки сильно нужны, пошел бы и ты на обед крокодилам вместе со своим земляком, – сказал ему сосед, с которым он сидел рядом, когда приходилось грести.

– Все против бедняков.

– И писцы. И боги и жрецы, – закончил его мысль Сети.

²⁴ Сеп – область, провинция.

На строительной площади пирамиды

Наконец долгий путь по реке окончен. Дахабие достигла места, где пребывает двор фараона.

Всех прибывших земледельцев выстроили на берегу в одну линию. Трое чиновников осмотрели их и разделили на две группы. В одну отбирали более рослых и сильных, в другую – всех остальных. Руабен и Сети жались друг к другу, опасаясь, что не попадут вместе. Так и случилось. Руабен попытался возразить, но чиновники даже не взглянули на него. И сейчас же группы разошлись в разные стороны. Руабен успел только бросить тоскливый взгляд на растерянное лицо Сети.

Чиновник повел свою группу на север от пристани по берегу реки. Узкая дорога вилась то под сенью цветущих садов, то среди невысоких изгородей из серого речного ила, за которыми виднелись хижины. На маленьких двориках звенели детские голоса.

Зоркий глаз земледельца подмечал все ту же нужду в земле, которую остро испытывали в верхнем течении Хапи. Оттого так узка дорога и так тесно на огородах. Но щедрые дары реки в виде жирного ила и обильной воды дают пищу всем растениям, тесно посаженным на малых площадях. Почти все время справа блестит река. Лениво катится она в низких берегах, слева на западе иногда видна пустыня с ее горячими песками.

Уныло брели земледельцы к своей неизвестной судьбе. Чиновник молча шагал впереди. Да и зачем ему, образованному человеку, разговаривать с жалкими пахарями, присланными сюда для грубых черных работ? По своему положению эти люди будут мало чем отличаться от рабов. Да и язык их непонятен для людей столицы.

Неизвестность томит прибывших. Вид цветущей долины под синим небом немного успокаивает, и они с любопытством озираются. За оградами возвышаются густые стены винограда, не знакомого на засушливой родине. Навстречу часто попадаются ослики, нагруженные мешками, корзинами. Дорога поворачивает к западу, и взгляду открываются пшеничные поля, сменяющиеся яркой зеленью участков со льном.

Потом они шли через пригород столицы, построенный лет двенадцать назад, когда некрополь перенесли севернее Соккара. Тогда фараон пожелал быть ближе к своей любимой пирамиде, чтобы видеть, как она строится. Земледельцев, живших в этих местах с давних времен, согнали с их клочков, и вблизи реки словно по волшебству возник легкий загородный дворец с традиционными прудами, цветниками, беседками. С плоской крыши своего дворца, под защитой полотняного навеса, Хуфу часто наблюдал, как по его велению копошились тысячи людей и как неуклонно росла вверх его знаменитая пирамида.

За владыкой потянулась знать в модное теперь предместье. Вокруг роскошного царского дворца появились виллы вельмож. На их участки переносили молодые деревья, и за короткий срок здесь вырос маленький чудесный городок с тенистыми садами, благоухающими цветниками, поднявшимися на благодатной земле, обильно политой народным потом. Здесь, у богатых людей, жизнь была сплошным торжеством. Невежественным земледельцам, не выдавшим ничего хорошего в своей жизни, казалось, что они проходят через поля Иалу, где избранные пребывают в изобилии, праздности. Уж не сами ли боги жили здесь?

Из богатого дворца четверо нубийцев вынесли на роскошных носилках знатную даму. Пятый слуга держал над ней пышное опахало из белых страусовых перьев. Он шагал в такт с носилками и весь был поглощен тем, чтобы тень падала на красивое лицо дамы. На узкой дороге отряду пришлось остановиться и, прижавшись к стенам, пропустить носилки. И пока они двигались, дама с презрительным любопытством скользила глазами по толпе запыленных жилистых мужчин в грубых повязках, плетенных из болотных трав. Нарядная, она сверкала золотыми кольцами и браслетами. На обнаженной ее шее переливалось ожерелье из череду-

ющихся нитей золотых и лазуритовых бус. Носилки проплывали мимо, и в глазах Руабена остались напряжинившиеся мышцы крепких мужских рук с вздувшимися жилами под черной кожей.

Но вот чиновник повернул в сторону пустыни, и все вышли на окраину, граничащую с песками полосой зеленых полей.

Перед ними открылась удивительная картина.

На ровном каменистом плато возвышалась чудовищная гора, созданная человеческими руками. И люди, сотворившие ее, казались в сравнении с ней ничтожными червями. Непомерно огромная у основания, она суживалась и заканчивалась наверху срезанной площадкой. Там, высоко, много десятков людей что-то делали. Снизу они казались движущимися букашками. С трех сторон каменная громада укрывалась крутыми земляными насыпями. С верха горы, с четвертой стороны, полого опускалась длинная насыпь, которая постепенно переходила в прочную, гладкую, укатанную дорогу. По ней подвозили из соседних каменоломен громадные камни, весом не менее чем в шесть быков. По мере роста пирамиды приходилось надстраивать и вспомогательные насыпи. Работа по их подъему требовала огромного труда. Вереницы полуголых людей двигались вверх, согбенные тяжестью корзин с землей. Снизу видно было, как носильщики высыпали землю на одну из боковых насыпей.

В стороне от дороги высились ряды штабелей сливочно-белых скошенных облицовочных глыб. При укладке они сглаживали уступы горизонтальных слоев кладки и придавали граням будущей пирамиды плоскую сбегаящую форму. Эти шлифованные блестящие треугольные камни поражали глаза особой чистотой, безупречностью формы и точностью обработки. Под ярким солнцем они сияли ослепительно. Их заготавливали в Туринских каменоломнях и во время разливов реки доставляли на плотах и барках до границы воды, подходившей близко к строительной площадке.

«О Исида! – думал Руабен, шагая по дороге, обжигающей босые подошвы. – Сколько же людей работало, чтобы добыть, сгладить и уложить эту гору камней, так точно обработанных, что меж ними не просунуть и ножа. Каков же он, живой бог, по воле которого сотни тысяч людей слабыми руками, вооруженными мягкой медью, кольями и водой, создали эту рукотворную гору, невиданную от сотворения мира? Каков он, живой и недоступный, стоящий неизменно высоко над людьми всей своей страны?»

Чиновник ушел под большой тростниковый навес, где от солнца укрывались надзиратели; там же хранилась вода и проводились работы, которые не требовали обязательного пребывания на раскаленной площади.

Прибывшие с удивлением и страхом оглядывались кругом. А по каменной дороге меж тем приближалась большая и странная толпа в несколько десятков человек. Пригнувшись и подавшись вперед, люди волокли что-то очень тяжелое. Слышались покрякивания надзирателя, в воздухе промелькнул бич и со свистом опустился на чью-то спину.

Толпа приближалась.

– Что это? – спросил Руабен.

– Завтра узнаешь на собственной спине, – невесело усмехнувшись, ответил ему проходивший мимо носильщик с корзиной.

Толпа была все ближе и ближе. Кто-то забежал вперед с тяжелым кувшином и начал поливать дорогу перед толпой. Десятки людей, напрягая силы, волокли опутанную веревками известковую глыбу на деревянных полозьях, из-под которых шел дым и пахло горелым деревом. Вот глыбу начали поднимать по насыпи. Несколько человек тянули ее спереди, ухватившись за канат, а другие упирались с боков и сзади. Медленно поплыла она вверх по сырым известковым дорожкам, которые улучшали скольжение и предохраняли от чрезмерного нагрева.

Вздрагивая, поднималась она вверх, наполовину скрытая согнувшимися человеческими телами. Как худы были эти тела! От напряжения в них выпирали ребра, позвонки. А глыба под костлявыми спинами, перемещавшимися руками и ногами все плывет и плывет без остановки по бесконечно длинному подъему, ибо останавливаться нельзя. Задыхаясь, спотыкаясь, люди поднимаются все выше и выше под палящим, одуряюще горячим, безжалостным солнцем.

И все они, прибывшие с далеких окраин страны, с мрачным раздумьем и болью следили за толпой рабочих, видя в ней и свою горькую долю. Казалось им, что сейчас иссякнут остатки сил, что это последние ручьи пота текут по черным спинам.

Но глыба все ползет и чуть пошатывается под ободряющие крики. Вот она на самом верху чуть задерживается, содрогается и исчезает за краем выступа.

И так каждый камень! Сколько же их в этой огромной горе? С каждым слоем кладки все выше, все труднее и опаснее. Товарищи Руабена стоят безмолвные, дивясь всему, что их окружает, и ужасаясь тому, что ждет впереди...

Сверху начали спускаться люди, поднявшие глыбу. Они шли качаясь, тяжело дыша, в грязных лохмотьях, еле державшихся на бедрах. На их лицах выражалось равнодушие смертельно уставших людей. Они глянули в сторону новичков и пошли своей дорогой, не спеша, наслаждаясь коротким отдыхом. Навстречу же двигалась новая толпа со следующей глыбой.

Когда второй отряд проходил мимо, один из них упал, плетка опустилась на молчаливое тело. К нему подошли двое рабочих и внесли под тень навеса. Один рабочий облил тело водой, но оно оставалось неподвижным. Спустившись сверху, подошли товарищи, потрогали, послушали, но, очевидно, помощь ему была уже не нужна. Они понуро побрели за новой глыбой.

Подошли чиновник с надзирателем и сообщили, что вся группа придет на следующий день на подвозку глыб. Надзиратель критически осмотрел всех и остался доволен их здоровым видом. Затем он отвел их в рабочие дома, где жили строители гробницы.

Огороженный высокой стеной из кирпича-сырца поселок находился поблизости. Тесные, душные хижины, разделенные на темные клетки, лепились друг к другу. В поселке был небольшой каменный бассейн, защищенный сверху навесом. В него носили воду из ближнего канала. Надзиратель коротко рассказал о правилах жизни. По своему режиму она мало отличалась от жизни рабов. Он разместил их в каморки, где были постланы грубые тростниковые циновки, разваливающиеся от долгого употребления.

У входа в хижины стояли большие глиняные кувшины с водой и кружки. Руабен с товарищами долго пили воду, а потом вошли в хижины, спасаясь от жары. Кормить их не спешили. Тяжесть труда потрясла Руабена, хотя он с детства привык к черной земледельческой работе. И никто не знает, сколько они пробудут здесь, вдали от родных мест. Каждый из них погрузился в тяжелое раздумье.

Вечером их накормили сушеной рыбой, черствыми ячменными лепешками. К этой пище добавляли чеснок и редьку.

На закате вернулись рабочие. Со смешанным чувством страха и горечи Руабен наблюдал за ними. Они тяжело волочили ноги и, дойдя до хижин, валились на циновки. Худые, с запавшими глазами, лица их выражали беспредельную усталость. Он плохо спал в эту ночь и все время слышал тяжелые вздохи товарищей. На заре, когда он наконец забылся, громкий окрик разбудил его. Все вскочили, не понимая со сна, что случилось. Наступил первый день новой работы. В утреннем воздухе было свежо и прохладно. Умывшись, пошли получать свою порцию утренней еды. Работа начиналась рано, а в самую изнурительную жару прекращалась, чтобы после полудневого зноя возобновиться до вечера.

К месту работы их вел надзиратель. Когда подошли к каменоломням, надзиратель указал каждому рабочему постоянное место у салазок, на которых возили блоки. Широкоплечего и высокого Руабена начальник поставил впереди, у каната, где работа считалась наиболее тяжелой. Остальных новичков разместили вперемежку со старыми. Для перевозки уже была

готова гряда блоков. Надзиратель рассказал новичкам о правилах работы, и они начали наваливать первую глыбу и, прочно закрепив ее крепкими веревками, поволокли по дороге. Особенно тяжелым был подъем по насыпи наверх. Сердце бешено колотилось, а дорога неумолимо поднималась вверх. Хотелось передохнуть, но надзиратель не разрешал. И когда Руабен чуть запнулся, резкая боль от удара плетки пронзила его тело. Вот, наконец, и выступ. Надзиратель забежал вперед, показывая место, где можно было остановить и свалить глыбу.

Несколько минут все мучительно глотали воздух. Отдышавшись, Руабен огляделся и замер от удивления. Они находились на площадке, поднятой над плоскогорьем на высоту более двухсот локтей. Несколько десятков каменотесов шлифовальными камнями сглаживали неровности на глыбах и подгоняли их к месту. Над ними были устроены навесы из циновок – для защиты от солнечных лучей. Здесь работали наиболее искусные каменотесы.

В красноватых лучах поднимающегося солнца широко, насколько охватывал глаз, видна была долина, пересеченная рекой, теряющейся на юге и севере в зеленых садах и полях. Город разметался по берегу и тонул на юге в легкой утренней дымке. Он был бесконечным, огромным, сказочно красивым. С севера к нему примыкало царское предместье с дворцами придворной знати, прикрытыми обширными садами.

От величавой реки, сверкая на солнце, тянулись тоненькие жилки многочисленных каналов. И только отсюда, сверху, можно было увидеть, как много этих узких, светлых и блестящих нитей отходит от одной могучей водной артерии и питает животворной водой огромный город. В солнечных лучах пруды и бассейны блестели, словно рассыпанный жемчуг. Величественные храмы тонули в темной зелени. И только внизу, у самых мертвых песков, унылыми серо-зелеными клетками примостились хижины рабочего поселка, опоясанного такой же унылой стеной.

Забыв обо всем на свете, Руабен любовался обширной панорамой. Его восторг прервал грубый окрик надзирателя. Восхищенные улыбки сбежали с лиц. Отряд начал спускаться по насыпи за следующей глыбой.

Через несколько часов никто уже не смотрел на город. Тело мучительно болело, дрожали руки и ноги. Казалось, что день никогда не кончится. А когда он все-таки кончился, Руабен с трудом дотащился до постели и повалился на тощую циновку, не желая ничего. Он только чувствовал боль во всем теле. Товарищи с настойчивой заботливостью заставили новичков съесть свою долю пищи. Тяжелый сон показался коротким, как миг, когда на заре их снова разбудили. И опять знойный кошмар под солнцем, томительная жажда, жгучие удары треххвостной плетки.

И глыбы... бесконечное число глыб... потом просто ненавистные глыбы, мука подъема по насыпи. Страх перед ней преследовал даже во сне.

И потянулась нескончаемая вереница дней и ночей. Они были однообразны, как песчинки в пустыне. И как будто ничего другого не было в жизни, кроме глыб, жажды, боли... Не было родной деревни, любимой жены, милых детей. Ничего не было. Были только камни – большие, тяжелые.

Он ужаснулся, когда увидел человека, раздавленного глыбой. Но это потом случалось часто, и он привык...

Камни выпивали кровь и силы из молодых человеческих тел, калечили их, давили и превращали в ненужный хлам. Раздавленные, умершие от непосильного труда, дурного питания, солнечных ударов поступали в руки бальзамирощиков. Те наскоро натирали их содой, сушили на солнце, потом хоронили в грубых циновках в общих могилах. Траты на массовый способ бальзамирования и захоронения были невелики, но этот обычай старались соблюдать, он поддерживал веру в могущество жрецов и хоть немного утешал людей. Каждый житель Кемет старался сохранить свое тело, чтобы его Ка после смерти могло найти свою земную оболочку и на полях Иалу встретиться с дорогими людьми. Нарушать этот обычай не решались в Большом доме.

Руабен постепенно знакомился с окружающими. Все они были из разных сепов и селений. В одной группе, с которой они часто встречались, ему особенно нравился, как и он, коренник – ведущий на канате салазок – Нахт. Это был мужчина лет двадцати восьми, высокий, крепкого сложения, с быстрым взглядом угрюмых глаз. Группа тянула салазки молча, прислушиваясь к его редкой команде. Руабен часто помогал ему с товарищами на подъеме, хотя это было мучительно тяжело после того, как поднята своя глыба. Но помощь была взаимной, и никто не возражал.

В поселке их хижины находились поблизости, и они перебрасывались приветствиями и иногда просто говорили по душам, вспоминали прежнюю жизнь. Однажды Нахт расхохотался, и Руабен, пораженный, молча смотрел на него и не узнавал, так изменилось его лицо.

– Ты думаешь, я всегда такой угрюмый, как голодная гиена? Эх, друг! В этой распроклятой жизни люди так меняются, что родные не узнают при встрече. Уж не воображаешь ли ты, что у тебя на лице все время радость?

Руабен невольно улыбнулся.

– Наверное, у тебя характер помягче, я же злее тебя. Да ты временами думаешь: Осирису было бы больше по душе, если бы Ахет Хуфу поменьше угнетала людей. Зачем живому богу такая гора? Строили же его предки поменьше, пониже и попроще.

Руабен опасливо оглянулся:

– Не наше это дело – говорить о живом боге.

– Зато наше дело ломать спину и падать от голода. Умный ты мужчина и мастер на все руки, а этого недодумаешь.

– А если и додумаю, что из того? Ты додумал, но идешь в такой же муке на гору, как и те, кто недодумал, – с досадой ответил Руабен.

– И это верно, – с горечью согласился Нахт.

Проходили дни, и где-то иногда в сознании теплилась надежда, что пройдут эти безрадостные времена и они вернутся домой. Но пришла еще неприятность, которая была в их положении особым злом. Жесткие ячменные лепешки, составляющие основную еду в их убогом рационе, с каждым днем становились тоньше и меньше. Чеснок, лук или редька не могли насытить мужчин, выполняющих нечеловеческую работу.

В один из таких дней, когда рабочие, пошатываясь, спускались тихо с салазками, Руабена поразил непривычный яркий блеск внизу, под навесом. Он смутно догадался, что, вероятно, сам царь любовался на свою любимую пирамиду, и блеск исходил от его носилок, украшенных листовым золотом.

Вместе с царем там стоял и чати. Хемиун за многие годы видел всяких строительных рабочих, но теперь он внимательно смотрел на их движение и хмурился все больше. Группа их нестройно двигалась по насыпи.

– Почему они такие худые? Особых причин на это нет, распоряжений об уменьшении норм зерна не было, питание должно быть обычным, – вслух высказал свое беспокойство Хемиун.

Он отошел от царя и приказал позвать к себе начальника припирамидного поселения. Тот подошел встревоженный.

– Почему они у тебя такие костлявые?

– Начальник Дома пищи говорит, что убавили норму ячменя.

– Ты не думаешь, что они упадут и некому будет работать?

Начальник молчал, бледнея под взглядом Хемиуна.

– Тебе надо было заняться этим вопросом и выяснить точно, сокращены ли дневные нормы.

Хемиун не стал продолжать разговора, сумрачный, уселся в свои носилки и направился вслед за царем.

«Завтра наведем в этом деле порядок», – с досадой думал он. Однако он не предвидел, что события развернутся быстрее, чем он мог предполагать.

На следующий день во время обеда в поселке при пирамиде все с возмущением обнаружили, что лепешки по сравнению с прежней нормой убавились наполовину.

Худые, озлобленные, вечно голодные перевозчики и каменотесы, раньше такие молчаливые, теперь прорвались в полный голос.

– Нас совсем решили уморить! – кричали одни.

– Работаем, как быки, а кормят хуже собак... – возмущались другие.

– Скоро совсем не будут давать еды. Один чеснок да редька!

– Собак кормят лучше, чем нас!

– Братья! – вдруг раздался сильный голос Нахта. – Наши глыбы не увезет и пара быков, мы же должны поднимать их на огромную гору. Но хороший хозяин заботится о своих быках, когда пашет на них. Он бережет их и хорошо кормит, если они на тяжелой работе. Кто у нас хозяин? Зачем нас пригнали сюда? Зачем оторвали от родных, от детей? – слышался гневный голос Нахта в напряженной тишине. – Мы работаем тяжелее, чем любой бык, но нас не хотят кормить. Сколько наших братьев упало на этой горе, когда тащили глыбы сверх своих сил? Сколько из них умерло, надорвавшись от работы и плохой еды? Нас ожидает такая же участь. Пусть отпустят домой, к нашим семьям, если нет для нас еды! Пойдем заявим об этом чати! Если не желают отпустить, пусть перебьют. Чем мучиться без конца на этой горе, лучше умереть враз...

– Пойдем! Все пойдем! – раздался голоса в толпе. – Веди нас!

– Идемте все! – сверкая жгучими черными глазами, призывал Нахт.

И он сильно, порывисто зашагал к воротам, за ним потоком устремилась армия строителей Ахет Хуфу.

Руабен, слушая Нахта, забыл обо всем и чувствовал лишь непреодолимо властную силу призыва. Он двинулся за Нахтом, и они пошли рядом, впереди всех, и стража в воротах уже ничего не могла с ними сделать. Эта безоружная армия с сильными руками сверкала ненавидящими глазами вместо секир, и стражники отступили перед стихией гнева.

Начальник поселка пробовал защитить ворота, но людской вал отбросил его, и он, оглушенный, смотрел, как толпа выплеснулась на дорогу и, неудержимая, полилась к пригороду. Он не знал, что делать, и, только собравшись с мыслями, послал двух стражников предупредить чати о бунте.

– Какое несчастье! Как на беду, всю стражу из поселка отправили с караваном в Ливийскую пустыню. Но кто же этого ожидал? Всегда все было тихо, спокойно! Теперь несдобровать! – жаловался начальник оставшимся стражникам.

Они вышли за ворота и беспомощно смотрели, как человеческий поток, извиваясь, быстро удалялся. В знойном слепящем мареве он становился все более слитным в своем красновато-черном цвете, в едином порыве...

Руабен бежал рядом с Нахтом, в толпе слышались восклицания, отдельные слова и тяжелое дыхание сотен бегущих. Свобода пьянила; опасность взрыва еще не представлялась, она была еще не видна. Но всем было ясно, что жить так, работать так дальше нельзя. В этом была их правота и сила. В душевном подъеме они не замечали палящей жары и жажды. Нахт между тем мучительно соображал, что он должен делать, куда он стремится и ведет за собой людскую массу? К чати! Он ведает всем строительством Ахет Хуфу. Вот уже скоро поворот дороги к дворцам, там же живет и Хемиун.

Руабен резко вскрикнул и остановился, схватившись за ногу.

– Что? – остановившись на секунду, спросил Нахт.

– Сильно ранил ногу!

– Перевяжи и догоняй! – Нахт снова устремился вперед, словно хотел скорее разрешить все вопросы, которые его мучили.

Руабен заковылял на одной ноге в сторону и упал. К нему из густой толпы пробрался сосед по хижине Май. С размаху Руабен наступил на острую кость, и она глубоко вонзилась в подошву. Кровь лила сильной струей, смывая дорожную пыль. Май отделил от повязки Руабена лоскут, но, прежде чем перевязать рану, осмотрелся. Заметив куст, оторвал несколько листьев и, закрыв ими рану, туго перевязал ногу. Руабен потерял сознание. Май с тревогой смотрел на него. Толпа ушла уже далеко, закутавшись в облако пыли. Если бы они и пытались догнать, то не смогли бы.

– Что же делать? Вода далеко. Как помочь?

Но в это время Руабен открыл глаза, сел и, увидев, как по направлению реки шли его товарищи, попытался встать, но не мог наступить на ногу от резкой боли.

– Что же теперь? Пойдем в поселок, недалеко мы с тобой уйдем.

– Пойдем за ними! Это же предательство! – умолял Руабен.

Но когда он встал и наступил на раненую ногу, снова упал без сознания.

– Тоже бунтовщик, – разговаривал вслух Май, – так выработался, что и на мужчину перестал походить. А кровь-то все идет...

Он оторвал еще кусок и снова перевязал рану, прикрыв свежими листьями. Май стоял, не зная, что делать. От слабости, от палящего солнца, от потери крови Руабену становилось хуже. И тогда Май взвалил себе на спину раненого и, задыхаясь от тяжести, побрел назад к поселку.

В это же время князь Хемиун сидел со своим дядей на крыше дворца под полотняным навесом. Хуфу торопил со строительством пирамиды.

– До вершины еще далеко, да стена вокруг пирамиды, храмовые постройки. Сколько еще лет надо? Ты должен спешить. Поставь больше людей на строительство, – настаивал царь. – Прошло уж больше двух с половиной десятилетий.

Хемиун с досадой покусывал губы, сдерживая внутреннее кипение. Уж если он не вкладывал умения и энергии в эту гробницу, то кто же тогда это сможет? Но вслух он сказал очень спокойно:

– Твое величество! Вершину мы закончим быстрее, ведь с каждым слоем ее площадь уменьшается, глыб и работы требуется меньше. Мы очень спешим, но рабочих рук не хватает. Крестьяне остаются на удлинённые сроки. Кроме того... – Он замялся.

– Что еще тебе надо?

– С едой плохо. Мы их плохо кормим.

– Ты – чати, и поэтому у тебя все права. Делай, что надо для ускорения. Я с твоими мерами соглашусь.

– Хорошо, твое величество! Я постараюсь изыскать зерна, не хватающего нам до нового урожая. При хорошем корме работа пойдет лучше. Мы вместе были вчера на Ахмет Хуфу. Я никогда не видел, чтобы все наши рабочие были такие худые.

– Насколько мне известно, отпуска зерна не сокращали, – заметил царь.

– Я проверю. Подозреваю, что в Доме пищи обворовывают. Нужно проверить чиновников. Казнокрадство создает добавочные трудности.

– Если это так, наказать со всей строгостью расхитителей.

– Сегодня будут посланы надежные люди для проверки, – ответил Хемиун. Его энергичное лицо сделалось злым и усталым.

Хуфу сидел, перебирая пальцами по резной ручке кресла. С тех пор как начали строить пирамиду, прошло более двадцати пяти лет. Как много было за это время трудностей, нехваток, недородов и неурожаев! Но она росла вверх несмотря ни на что. И сейчас он думал о том, что надо спешить и изыскивать всяческие средства для завершения.

В это время Хемиун заметил непривычное движение на западе, со стороны поселка при пирамиде. Неясная, но близкая к истине догадка молнией сверкнула в его сознании. Он резко встал, но сейчас же вспомнил о присутствии царя.

– Прости, твое величество! Мне надо быть на строительстве.

Дядя удивленно посмотрел на него. Это была неслыханная дерзость. Как будто что-то могло быть важнее разговора с царем. Племянник явно забывался, избалованный властью. Но лицо Хемиуна выражало тревогу, озабоченность.

– Если я сейчас не попаду на пирамиду, затормозится подвозка камня, – на ходу сочинял чати. Не мог же он сказать, что подозревает бунт рабочих. Он низко поклонился дяде и, не ожидая его милостивого разрешения, начал спускаться вниз. Во дворе он торопливо объяснил начальнику дворцовой стражи, чтобы направил отряд навстречу толпе, а сам на носилках повернул в ту же сторону.

Вооруженный отряд встретил толпу каменотесов и перевозчиков вблизи дачного городка, когда они были близко от цели.

Впереди бесстрашно шел Нахт.

Воины встали поперек дороги, преградив путь и выставив вперед сверкающие секиры и пики.

– Что вам угодно? – грозно спросил военачальник Нахта. – Что за бунт? Кто позволил вам выйти на стену поселка?

– Мы хотим, чтобы нас не только заставляли работать до упаду, но и кормили. Прежде чем пускать в дело оружие, спроси, сколько наших товарищей упало от недоедания, оставив вдов и сирот. Ни один человек не может работать без еды. И нам все равно – погибать от голода или в тюрьме, – смело говорил Нахт и продолжал: – Посмотри на эти тени вместо людей! И не хочешь ли ты, гладкий и сытый, доказать голодной толпе, что ты сильнее со своими пиками? – уже насмешливо закончил Нахт.

Военачальник сделал своим воинам округленный жест, и они незаметно окружили толпу. Но их было слишком мало, и толпа на них не обратила внимания.

– Куда вы направляетесь? Здесь дворцы царской семьи, и никто из смертных не имеет права ходить здесь. Прекратите бунт и идите к себе.

– Мы идем с жалобой к чати. Он рассудит нас. Бунтовать же мы не собираемся, – снова заговорил Нахт под одобрительный гул толпы. – У нас всех есть семьи в родных местах, и мы хотим к ним вернуться. Мы просим прибавки еды, чтобы тянуть наши глыбы.

– Так вот что: отправляйтесь в свой поселок, пока не поздно. О еде позаботится начальник вашего поселка, просьбу вашу передам чати. Тебя же, главного бунтовщика, я забираю с собой. Забирайте передних! – скомандовал начальник.

Но огромная толпа, поняв все, окружила Нахта, и горстка воинов сама очутилась в кольце озлобленных, молчаливых рабочих. Военачальник удивленно следил за их перемещением и обнаружил – он сам был зажат так, что никаким оружием уже не смог бы воспользоваться. Он растерянно озирался в поисках подчиненных.

– Приведи к нам чати, если мы не можем идти туда! – сказал Нахт.

Кто-то цепкими пальцами разжал руки у военачальника, и он понял, что его обезоружили. Сотни настороженных глаз следили за ним, и вот уже он и Нахт стоят снова впереди толпы.

– Хорошо! Я передам князю, что вы требуете, чтобы он выслушал вас, – ответил военачальник на молчаливый вопрос Нахта. Он был красен от бессильной злобы и унижения перед этой жалкой толпой.

В это время, задыхаясь от быстрой ходьбы, появились носильщики с Хемиуном. Он подошел к толпе, остановив удивленные глаза на плененных воинах.

– Что здесь случилось?

– Вот вздумали бунтовать, – осмелев от присутствия чати, начал объяснять начальник воинов.

– Нет, великий господин, это совсем не так.

– Объясни, Нахт! Расскажи все, как надо, – слышались голоса.

– Здесь собрался трудовой люд, привычный к тяжелой работе. Но нет больше наших сил терпеть. Нам убавили и без того скудную еду наполовину. Скоро некому будет тянуть камни. Все мы упадем без всякой пользы.

– Чего вы хотите? – резко спросил Хемиун.

– Мы просим увеличить нам еду, прибавить хлеба. При такой пище, что нам дают, мы не в силах таскать собственные ноги, не то что глыбы...

– Хорошо! Отправляйтесь немедленно в поселок. Вопрос о пище разберем. Что можно, сделаем.

Его голос, как удар молота, обрушился на толпу.

– Ты останься, – приказал он Нахту.

– Идите, братья! – мягко обратился Нахт к толпе. – Князь не будет нарушать данного им слова.

Он смотрел, как нерешительно и нехотя поворачивался медленный поток темно-красных загорелых тел. Какая-то душевная слабость охватила его. Еще минуту назад люди беспрекословно подчинялись ему. И вот он сам нарушил это единство и один должен нести наказание за их справедливые требования.

– Мы не оставим его, – вдруг раздалось несколько голосов. – Мы виноваты все. Он говорил за всех нас.

– Так что же, вы все хотите в тюрьму? – зло спросил Хемиун.

Толпа остановилась и молча ждала конца событий.

– Идите! – говорил Нахт. – У вас семьи, отработаете срок и вернетесь домой. Князь строг, но справедлив и накажет нечестных чиновников.

– Мы не пойдем без тебя.

– Идите! Вернется ваш бунтовщик! – нетерпеливо проговорил чати и повелительно показал на запад.

Люди нерешительно топтались.

– Идите! Князь дал слово, что я вернусь к вам!

Нахт прощально махнул рукой и в сопровождении стражи направился к столице.

Хемиун проводил его глазами, повернулся и смотрел вслед жалкому человеческому стаду. Вопиющая худоба, отвратительные запахи чеснока и редьки, как бы вросшие в их тела, грязные отребья повязок – все это вызывало только брезгливость. Но сейчас же он вспомнил толпы мужчин, когда их приводили с пристани в поселок.

Те новые, приходящие сюда люди были свежими, с блестящими глазами, и от них исходил запах степей, речной воды. Тела их были свежими и гладкими, лица – испуганно-доверчивыми. У этих – глаза отупевшие и ненавидящие. Но без этих людей никогда бы его замыслы не выполнились.

Теперь сотни людей медленно двигались на запад, понуро опустив головы. Единство их было разрушено, порыв погашен. Голодные, они возвращались, не веря в обещания сытого князя, и со страхом ждали наказания.

Хемиун неторопливо направился к своему особняку. То, что он видел, требовало разумных мер.

Он вызвал к себе двух преданных помощников и отправил их для ревизии расходования продуктов в Доме пищи. К вечеру пришли дрожачие начальник поселка и виновник – начальник Дома пищи. Хемиун долго с ними разговаривал.

В тот же вечер рабочим увеличили нормы пищи по приказанию князя. Со следующего дня все нормы были восстановлены, и даже стала появляться сухая вяленая рыба, иногда вареная.

Рабочие успокоились.

В наказание всем, принимавшим участие в бунте, а в нем участвовали все до единого, срок пребывания на работах увеличили в два раза, об этом объявил начальник пирамидного поселка. Гроза над ним прошла благополучно, и он все приказания князя выполнял неукоснительно.

Руабен не мог ходить, и его, чтобы не ел даром хлеб из закромов живого бога, отправили на зернотерки размалывать зерно, пока заживала рана.

Он очень беспокоился об участи Нахта и грустил о нем. Но однажды слышал разговор стражников между собой. Они говорили, что после допроса Хемиун отправил его с товарищами в наказание на Асуанские каменоломни сроком на три года. Князь не сдержал своего слова.

Через пять дней молодые ревизоры явились к чати и сообщили, что произвели тщательную проверку казнокрадства. С ними был и царевич Хауфра, который уже несколько лет занимался государственными делами, готовясь к управлению страной. Сейчас он сидел в кресле и внимательно следил за разговором. Хемиун – двоюродный брат царевича, обозленный неполадками на строительстве, был хмур. Докладывал один из молодых людей. Чувствуя состояние чати, он смущался, боясь какой-нибудь неловкостью вызвать гнев князя, но Хауфра ободряюще кивнул ему, и молодой человек смелее продолжал:

– Я уже сказал тебе, великий господин, что нам пришлось съездить в окрестности Она, где Аму обменял участок земли на украденное зерно. Там он построил две большие башни, и они полны доверху зерном. Кроме того, ячмень и полбу меняли его слуги и родственники на базаре и отдельным людям. Все это, конечно, делалось втайне, но соседи следили за ним, да и в Доме пищи тоже были не слепые. За все время Аму похитил из Дома пищи пятьсот тридцать мешков зерна. Но не ожидал проверки, поэтому ничего не успел спрятать, и все золото, электрон, ткани и многое другое – все находилось в кладовых. Мы переписали все имущество и по приказу великого господина Хауфра поставили стражу, а самого казнокрада отправили в тюрьму, пока ты не прикажешь, что с ним делать.

Возмущенный, разгневанный чати нетерпеливо прошелся по комнате и залпом выпил бокал пива.

– Как будем наказывать расхитителя? – спросил Хауфра.

Хемиун враз успокоился и сел. Его распоряжения всегда были молниеносно быстры и кратки:

– Наказание ему будет таково: все зерно отправить в Дом пищи и не оставить в закромах вора ни зернышка. Все имущество взять по списку и отправить в казну живого бога, оставить лишь то, что не имеет цены. Ему самому дать пятьдесят ударов палками на самой людной площади, на базаре, чтобы все знали, что ожидает бессовестного вора, от которого страдает государство и люди. И пусть об этом кричат самые голосистые глашатаи. После наказания отправить на три года в Туринские каменоломни и кормить так же, как он кормил каменотесов. Как, царевич, не прибавишь ли чего?

– Лучше не придумаешь, брат! – ответил Хауфра.

– Но у него четверо детей, как же быть с семьей?

– Оставь три мешка, а потом как хотят. О семье надо было думать раньше, – резко ответил князь.

– Сама богиня истины Маат не поступила бы справедливей! Мошенник заслуживает эту суровую кару, – льстиво проговорил первый ревизор, и оба низко поклонились.

– Вас благодарю за добросовестную работу, за быстроту. Вознаграждение получите из имущества вора. Одного из вас, – и он посмотрел на докладывающего, – назначаю начальником Дома пищи. Надеюсь, – чати сделал паузу, глаза его недобро сузились, – что тебе такого наказания не придется выносить! Не спеши богатеть!

Молодой человек вспыхнул и поблагодарил за назначение.

Хемиун спокойно уселся в кресло, только левое веко его судорожно и часто подергивалось.

– Идите, немедленно выполняйте!

Молодые люди распростерлись в поклоне и удалились. Хауфра остался с братом, чтобы обсудить несколько важных вопросов.

Все было выполнено, как приказал князь. Наказание казнокрада устршило всех больших и маленьких начальников. Об этом говорили во всех домах. Столица притихла.

Сон Руабена

Часто снится Руабену одна и та же картина. Родная убогая хижина, уютно притаившаяся под сенью пальм. Солнечные лучи скользят по стенам хижины, по маленькому огороду.

Вот из хижины выходит стройная смуглая женщина. Тяжелые черные волосы, откиннутые назад, открывают чистый низкий лоб. Печальные красивые глаза кого-то ищут. Руабен рванулся к ней, но она исчезла среди высоких зеленых стеблей. Он спешит и выходит на берег великого Хапи. Широкий голубой простор реки стремительно несется куда-то в безбрежную даль. Над блестящей водной гладью, отражающей ближние хижины, сады и густые заросли, над всем ярким и светлым миром несутся крики водяных птиц.

И вдруг Руабен в ужас цепенеет. На берегу играет камешками его маленький сын Пети. Ребенок доверчиво протягивает руки подползающей огромной коряге. Безобразная эта серозеленая коряга раскрыла страшную зубастую пасть над ребячьей головкой. Где же Мери? Он пытается бежать, но не может. Еще одно движение этой пасти, и его малыша не будет.

В холодном поту Руабен просыпается от собственного крика и ужаса. О Великий Ра! Помоги им! Мать земледельцев, Исида! Ты знаешь горечь потерь любимых! Защити их, слабых!

Изнурительный труд гасил все его мысли и чувства. Изможденное тело валилось на циновку. Он погрузился в тяжелый сон человека, измученного физически и душевно.

Но проходили дни, и он постепенно начал втягиваться. Несколько раз он заходил в каменоломни и наблюдал работу каменотесов. Их работа показалась ему еще более безотрадной. Вместе с потом известковая пыль разъедала тело, работа в полумраке или, наоборот, на солнце в мрачных узких ущельях, в скрюченном положении. Постепенно он привыкал. И тогда что-то живое начало пробуждаться в его душе. Однажды он сидел на пороге хижины и рассматривал кусок светлого дерева, привезенного с собой. Он вытащил бережно хранимый нож, подумал и нанес несколько контурных линий. Пальцы осторожно и любовно обхватили материал. Нож упорно и уверенно врезался в слои. Работа захватила его. И вот уже удивленные товарищи с восхищением рассматривают маленькую фигурку антилопы. Блестящие крапинки черного камня вместо глаз придали живость смело очерченной головке. Тоненькие рожки задорно поднимались вверх. Товарищи посоветовали обменять ее на рынке на еду. Руабен, подумав, согласился. Но решил сделать еще что-нибудь. Дровесины уже не было, зато хорошего камня сколько угодно. Он выбрал кусок полупрозрачного алебаstra с розоватым нежным оттенком. Алебастровых обломков на строительной площади было много. Кусок белого камня превратился в кружку, обвитую двумя лотосами. Несколько дней он еще тщательно шлифовал и придирчиво отделывал, прежде чем решил, что все закончено. Обе работы были безупречны. Странно было видеть в убогих хижинах эти красивые вещи.

Тревоги живого бога

К повелителю Верхнего и Нижнего Египта все чаще приходили приступы дурного настроения. Десятки лет мысли его занимала усыпальница. И хоть самое трудоемкое, самое тяжелое завершено, но работы еще много. Много средств нужно для окончания. И закрадывалась мысль: успеет ли Хемиун сделать все намеченное? Удел всех смертных людей – болезни старости – все чаще навещали его: болела голова, по телу разливалось недомогание, не хотелось двигаться. Надоело каменным истуканом сидеть на троне, решать важные дела, принимать знатных людей, творить суд, как надлежало царю.

Упорно жила ненавистная мысль – уйдет в страну Молчания раньше окончания гробницы, наследник, одержимый стремлением увековечить себя, начнет строить свою пирамиду, отцову же забросает мусором, песком, необожженными кирпичами. Немало примеров в прошлом. Он пристально всматривался в лица старших детей. Пока еще не решил, кто будет преемником – Хауфра или Джедефра. Сыновья смущались, не зная причины его подозрительных взглядов.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.